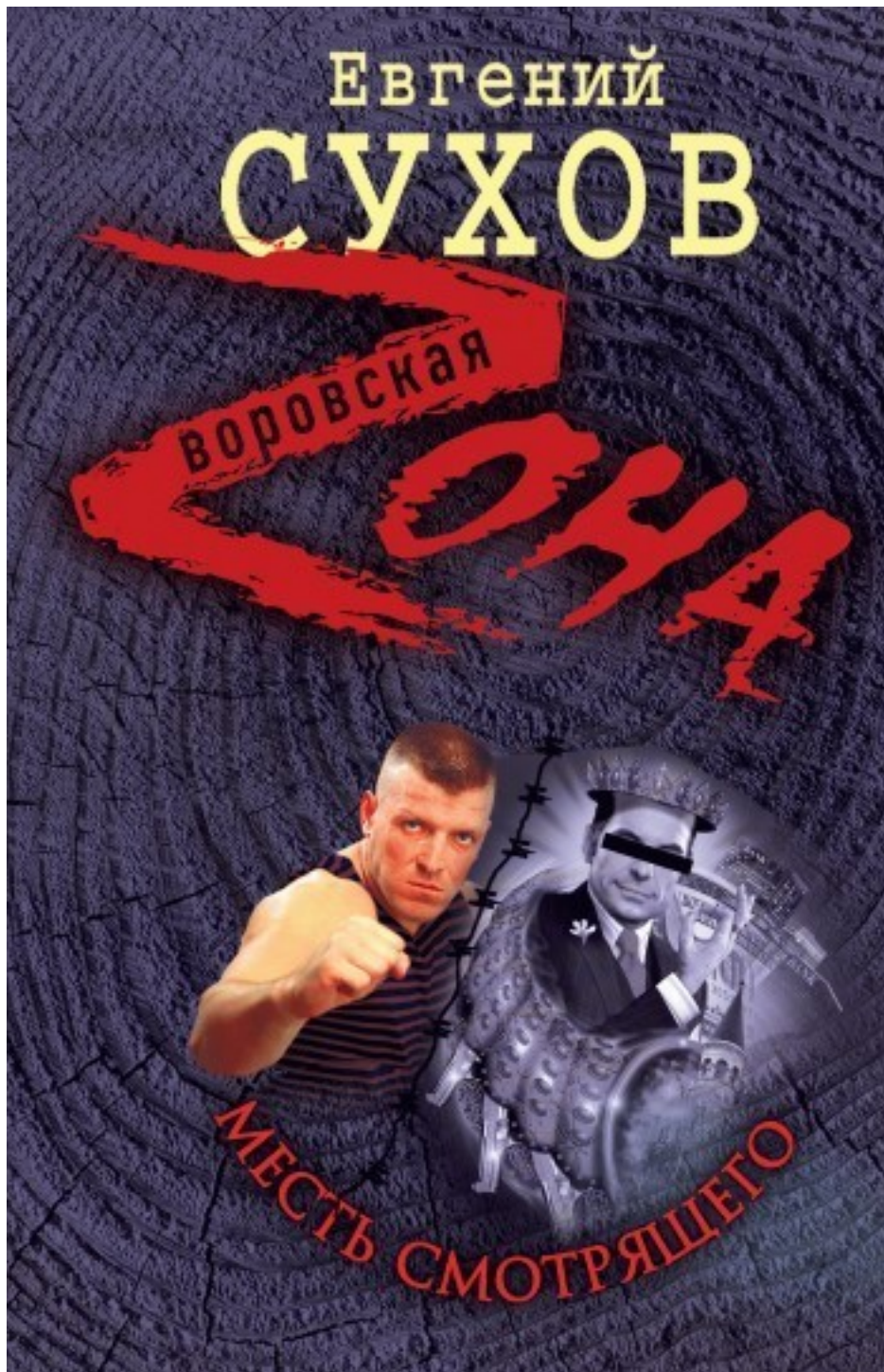

Евгений
СУХОВ

воровская

МЕСТЬ СМОТРЯЩЕГО

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

МЕСТЬ СМОТЯЩЕГО

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Мечь смотрящего / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2009 — (Варяг)

ISBN 978-5-699-33196-3

Питерский авторитет Шрам оказался коварным беспредельщиком – он сдает ментам смотрящего России Варяга, для того чтобы занять его место. Но Варяг не лыком шит – жрать баланду на зоне в его планы не входит. Он бежит из колонии и готовит расправу над «ссучившимся» вором. Варяг ищет Шрама, начальник зоны подполковник Беспалый идет по следу Варяга и предлагает Шраму объединить усилия в расправе над общим врагом. Когда от рук Беспалого гибнут простодушный старец отец Платон и его дочь, укрывшие беглого смотрящего России, охота для Варяга перерастает в ранг беспощадной мести. А когда его жена и сын оказываются в заложниках у Шрама – это уже война, кровавая и жестокая, выйти из которой живыми удастся немногим...

ISBN 978-5-699-33196-3

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Сухов

Месть смотрящего

Часть I

Грешный старец

Глава 1

Теперь только в евнухи

Веревки были крепкими, сплетенные из рыжего конского волоса, они разрезали на запястьях кожу и хищно впивались в мякоть. Страдания усиливались, когда низкорослая лошадка, преодолевая нагромождения камней, весело закидывала зад, подбрасывая на спине невольника.

Платон подозревал, что все эти неудобства скоро совсем перестанут его беспокоить, а сам он превратится в безжизненную грудку белков.

– Куда вы меня везете? – спрашивал он в который раз.

Один из них, грузный монгол с гладко выбритым лицом, повернулся и, прищурился на пленника и без того узкие глаза, усмехнулся:

– Умирать, – и вновь погрузился в какие-то свои великие думы, о которых мог знать только Будда.

Платона подмывало спросить, долго ли им еще ехать, но это было все равно что спросить палача, когда он наконец опустит топор, занесенный над головой жертвы.

Монголов было семеро – узкоглазые, широколицые, в оранжевых одинаковых одеждах, они представлялись Платону на одно лицо, словно были порождением единственной яйце-клетки. Вот только всмотревшись в лица, можно было подметить разницу в их годах.

Самому старшему из них было лет сорок пять. Он привычно подгонял лошаденку пятками и за время пути не произнес ни слова. За время пути мужчина даже ни разу не обернулся, и Платон едва успел рассмотреть его лицо. А то, что он видел, вызывало в нем неподдельное отвращение: реденькая бородка на широких скулах, черные лоснящиеся волосы и широко оттопыренные уши. Похоже было, что в этой печальной компании он за главного и только он один знает дорогу, по которой грешники бредут в преисподнюю.

Четверым было лет тридцать – тридцать пять. Они были сосредоточенны и немногословны, как будто размышляли над трудной партией Го. Сопровождали пленников еще двое молодых всадников, для которых чужая смерть была таким же баловством, как удалые скачки.

Дорога уводила все дальше в гору, и Платона стала донимать скверная мысль, что монголы решили сбросить его со скалы в пропасть. На миг он даже представил, как его молодое сильное тело, падая на дно ущелья, наткнется на выступающие камни, переворачивается в воздухе и с громким хрустом разбивается о скалы. Оборвавшийся крик заставит испуганно подняться со своих мест длинношеих грифов, которые, совершив круг над бездной, охотно опустятся на его бездыханный окровавленный труп. То, что от него останется, трудно даже будет назвать человеческим телом – это будет кусок мертвечины вперемешку с обломками костей.

– Вы сбросите меня со скалы? – выдавил из себя в страхе Платон.

Но вновь натолкнулся на равнодушные холодные взгляды сопровождающих – они не желали размениваться на объяснения с будущим покойником.

– Ответьте же!

Один из монголов лениво повернул голову в его сторону и философски заметил:

– И не надейся! Легкая смерть не для тебя.

Платона охватила паника – мелкие противные мурашки пробежали по спине, по шее и растаяли где-то у самого горла, заставив кадык непроизвольно дернуться. Его поразила даже не грядущая смерть, а тон, каким был произнесен зловеющий приговор. Чужая кончина для них не была в диковинку – они просто выполняли привычную работу. И делали это так же бесстрастно, как пастух выгуливал на пастбище скот или как темными вечерами молодой любовник ласкает свою зазнобу.

– Мы пришли, – впервые разомкнул уста старший, натянув поводья. – Теперь тебе придется перебраться на металлического жеребца, – указал он концом плетки на огромное железное чучело, что стояло у самой тропы.

– Что вы хотите со мной сделать?

– Не торопи события, впереди тебя ожидает много интересного, – с улыбкой заговорщика сообщил старший, показав крупные зубы – такими резцами только жевать овес. – Очень скоро ты все узнаешь. Поставьте его на землю, – приказал он путникам, – да не расшибите раньше времени. А то что тогда о нас подумают люди? Посмотри, как здесь красиво, – он обвел вокруг себя плетью, – на этой поляне тебе придется умереть. Лучшего места невозможно отыскать во всех горах. Ты умрешь под пихтами, а ветер, который прячется в их лапах, примется улаживать твою мятежную душу.

Жеребец едва переминался с ноги на ногу; пригнув гибкую шею к самой земле, он выискивал среди густой травы пряный цвет. Ему не было никакого дела до развлеченных людей, окружающей природы и даже до седока, которого он привез на казнь. Больше всего его занимал розовый душистый клевер, что пышно произрастал под самыми копытами. Рядом деловито жужжал шмель, и полагалось быть осторожным, чтобы не отведать задиристого проказника на язык.

Руки Платона совсем онемели, создавалось впечатление, что они держатся на одних сухожилиях, и он бы не удивился, если б кисти отвалились и упали на луговую траву.

Трое всадников неторопливо спешили. Один ухватил коня под уздцы, чем вызвал у животного яростный протест: конь, сплевывая листья клевера, замахал огромной головой, а потом, почувствовав сильную руку, успокоился. Двое других, взяв Платона за плечи, ссадили на землю.

– Развяжите ему руки. Мне хочется, чтобы Будду он встретил с распростертыми объятиями!

Один из монголов достал из-за голенища нож и чиркнул лезвием по скрученным путам. Конские волосы бесформенным комом упали к ногам Платона.

В лице и в голосе монгола было нечто гипнотическое, что заставляло повиноваться. Платон видел, что этот властный человек уж если задумал кого-то казнить, то обставит это с такой торжественностью, с какой священник совершает церковный ритуал.

– Подведите его к железному скауну. – Монголы молча выполнили указание вожака. – А теперь посадите на седло и свяжите ему покрепче ноги.

Один из стоявших парней проворно юркнул под металлическое брюхо коня, стянул бечевой щиколотки Платона.

Монгол усмехнулся:

– Ты будто родился на этом коне. Ну чем не друг степей! Вот теперь это твое место до конца жизни. Пусть скачет в царство смерти.

– Отпусти меня.

– Отпустить? – пожал плечами монгол. Он не скрывал своего удивления. – А что тогда делать этим мужчинам, которые пришли вместе со мной? А для кого тогда они будут таскать

хворост? Нет, каждый должен выполнять свою работу. Прежде чем стать палачом, мне долгое время пришлось побывать ламой. Так вот, через час тебе предстоит познать путь совершенства. И я даже где-то тебе завидую, потому что это все у меня впереди. А теперь разогрейте докрасна этого металлического коня и поджарьте на нем нашего гостя! Сегодня у волков будет славный ужин.

– Что же ты делаешь? Пожалей! Господи! – орал Платон. – Я хочу жить!

Лица монголов были беспристрастными и такими же каменными, как у достопочтенного Будды. Можно было смело утверждать, что он не ведал уныния, но и веселье его также не посещало.

Сбоку, на животе коня, помещалась маленькая дверца. Один из монголов уверенно ковырнул ее пальцем и принялся складывать в нутро коня припасенный хворост. Свое занятие он проделывал спокойно, как будто выполнял самую обыкновенную работу. Скоро брюхо животного было набито до отказа мелким хворостом и поленьями, а из открытой пасти животного торчал лапник. Молодой монгол смиренно сложил ладони у подбородка и учтиво поклонился старшему.

– Поджигай! – спокойно, но твердо распорядился монах.

Монгол сунул за пояс ладонь и извлек куски кремня. Остальные монголы, скрестив ноги, расположились немного поодаль – очевидно, опасались предстоящего жара. Даже сейчас, когда начиналась кульминационная часть церемонии, ни один из них не показывал своего неприятия или, наоборот, интереса к происходящему. Возможно, именно с такими беспристрастными лицами ангелы на высшем суде выслушивают раскаяния грешников.

Руки монгола с гладко выбритым лицом действовали привычно. Один удар. Второй. Снопы искр срывались с самого края и разбивались о металлическое брюхо лошади, разлетались по сторонам, и только несколько огненных осколков маленькими звездочками упорхнули в темное распахнутое нутро жеребца и замерли на старом валежнике, образовав небольшое яркое созвездие. Монгол глубоко вздохнул, а потом осторожно стал выдыхать воздух прямо на искры. Звездочки заблестели ярче, отбрасывая желто-красное сияние на почерневший хворост, а уже в следующую секунду валежник весело вспыхнул и затрещал.

Монгол бережно прикрыл дверцу и отошел к сидящим.

Внутри жеребца скоро загудело, хворост отчаянно трещал, а из ушей и пасти железного идола повалил тяжелый, загустевший желтый дым. Сейчас жеребец напоминал сказочного дракона, который готов был взлететь в небо, обдав невозмутимо сидящих монахов огненным зельем. Благо что и наездник для него подобрался достойный – он бил пятками в металлические бока, вертелся, истошно вопил.

– Господи, заступись! – молился Платон. – Боже, откликнись! Весь оставшийся век буду замаливать свой грех. Ну что же вы сидите истуканами?! Освободите!

Жеребец все не взлетал, видно, он не отваживался покинуть обжитые места.

В глазах молодых монголов вдруг застыло напряжение. Хотя их лица по-прежнему оставались такими же безжизненными, как и прежде, и не пропало впечатление, что смотришь не на живого человека, а на восковое изваяние.

Но вдруг выражение их лиц враз изменилось.

И когда наконец Платон догадался о причине, то невольно ужаснулся: монахов пожирало животное любопытство. Им очень хотелось вдохнуть запах гари и почувствовать, как же все-таки воняет горелое человеческое тело. А палач уже прикрыл глаза, и было видно, что он находится на половине пути к космосу.

Платон не однажды слышал от подельщиков о таком экзотическом способе казни, но никогда не думал, что ему самому придется оседлать раскаленного жеребца. И вовсе не мог предположить, что его смерть находится не в толще времени, спрятавшись за долгие десятиле-

тия, а совсем рядом и что палачом его станет не урка с кривой финкой, а семь благообразных монголов, последователей Будды.

Освобождение от мучений было совсем близко. Старший монах принялся раскачиваться под треск горящих сучьев и гул беснующегося огня. Дальше его ожидало просветление. Монах уже видел путь, по которому он пойдет сам и поведет других. А в конце долгой дороги его ждала нирвана. Совершенство.

Раскаленное железо обожгло бедро. Платон понимал, что еще минута такой пытки, и он прилипнет к седлу, как шкварка к разогретой сковороде, и начнет чадить и таять, все более превращаясь в головешку.

– Нет! – истошно орал обреченный. – Я еще поживу!

Платон на мгновение закрыл глаза, а возбужденное воображение подбросило ему картину, от которой невольно содрогнулось все его существо...

Горы. Темень. Обгорелый труп, восседающий на лошади, а по крутому склону спускается волчица со своим несмышленным выводком. Самка остановилась на тропе и, задрав мохнатую голову высоко кверху, чутко принюхалась.

Опасности не было.

Волчица слишком хорошо знала привычки людей. Это угощение предназначалось для нее. Такое случалось не однажды – она обглаживала обжаренный труп и возвращалась в горы. Но в этот раз она явилась не одна – следом за ней торопились волчата. Выводок подрастал и уже не умещался в тесной лесной норе, а волчата должны привыкать к тому миру, который их окружает. Так что выход к тропе – это тоже одна из ступеней взросления.

Запахи и звуки – это не всегда сигнал к охоте, бывает, что они извещают об опасности.

Волчица подкралась совсем близко, аппетитно вдохнула сладкий запах жареного мяса, а потом осторожно притронулась лапой к остывшему металлу – как будто проверяла, а не поддаст ли строптивое животное кованым копытом. Конь замер навечно и совсем не собирался обижаться на враждебное прикосновение.

Волчата тихо поскуливали. Их уже успел раззадорить аппетитный запах жаркого, и они дожидались только разрешения матери, чтобы окрепшими челюстями стащить покойника с лошади за обугленную ногу...

Промелькнувшее видение было настолько реально, что Платон едва не потерял сознание, – теперь он понимал, что случится именно таким образом. Монголы не случайно проводили казни неподалеку от волчьих нор – так животным удобнее растаскивать кости воров по кустам.

Высоко в небе парил белоголовый сип. Вытянув длинную шею, он всматривался в расщелины скал, выискивая падаль, а когда между деревьями узкими струйками стал пробиваться тоненький дымок, птица поверила в удачу. Это место было знакомо сипу по прежним пиршествам, и он знал, что волки не съедают жертву полностью и частенько оставляют после себя обугленные кости, внутри которых находился запеченный мозг.

Стервятник проглатывал кости целиком, даже не утруждая себя разбивать их на части.

Платон пытался подняться с раскаленного седла, но голени, умело стянутые крепкой веревкой, не двигались. Бедрa покрылись огромными волдырями, и он чувствовал, как они лопаются и ошметки кожи мерзко пристывают к металлическим бокам лошади.

– Боже! Горю!

Платон извивался, как мог, стараясь облегчить свои страдания, но получалось плохо, и с каждой секундой он все более превращался в один болевой сгусток. Руки у него оставались свободными, он лег животом на спину коня, пытаясь дотянуться до веревки на ногах, но тотчас отпрянул, обжигая руки и грудь.

Он вспомнил о том, как в далеком детстве наблюдал за агонией лошади, провалившейся в болото, – чем сильнее она была копытом по топкой поверхности, тем крепче держал ее за ноги водяной черт, пока наконец не утянул бедное животное на самое дно.

Теперь Платон испытал бессилие тонущего животного и сполна осознал ужас, который застыл в ее фиолетовых глазах за секунду до того, как над ее головой сомкнулась темно-коричневая густая болотная жижа. Монголы сидели все так же неподвижно и торжественно, как если бы присутствовали на очень важном обряде, а самые младшие из них уже и вовсе перестали скрывать интерес и готовы были оставить неудобную позу «лотоса», чтобы поближе посмотреть на образовавшиеся волдыри. Только самый старший монах без конца что-то бубнил: не то молился о спасении души безнадежно павшего грешника, не то созывал со всей преисподней на его бесталанную голову упырей и кикимор.

Повалил смрад – густой, едкий. Через несколько минут лакомство покроется твердой розовой корочкой и своим аппетитным видом призовет на пиршество всякую тварь. Платон чувствовал, как с каждой секундой из него уходит жизнь. Пройдет совсем немного времени, и он стечет с раскаленного коня на землю густым почерневшим жиром, точно так же, как полыхающая свеча – на дно подсвечника, оставив на седле только чадящие мощи.

Платон беспрестанно двигался, понимая, что если он замешкается хотя бы на секунду, то прилипнет навсегда к шершавой металлической поверхности и отскабливать его будут горластые вороны.

– Горю! Убейте меня!!! – взывал к милосердию Платон.

Ответом ему было глубокомысленное молчание, в котором было столько же философского смысла, сколько в развалинах древнейшей цивилизации. Веревка на голених Платона вспыхнула. Он почувствовал, как огонь, враждебно треща, подпалил штанины и беспощадным бесенком принялся пританцовывать на коленях, злобно покусывая.

– А-а-а!!! – сбил Платон руками пламя.

Инстинктивно он поднял ноги и вдруг осознал, что уже ничего не мешает движению – на голених короткими обрывками болтались веревки. Платон наклонился и свалился на землю, под ноги раскаленного коня, который по-прежнему продолжал дышать через огромные ноздри желтоватыми клубами дыма.

На лицах монголов промелькнуло разочарование – оно было недолгим, точно полет глыбы, сорвавшейся с кручи.

– А-а! – выдохнули разом монголы, как будто камень раздавил кого-то из них.

Былая невозмутимость мгновенно забылась. Платон не спешил подниматься. Он ожидал, что монахи с прежней бесцеремонностью возьмут пленника за шкуру и победно водрузят на раскаленного коня, чтобы ему было сподручнее отправляться в свой последний путь. Однако монголы повели себя очень странно: они поднялись и несколько раз отвесили ему учтивые поклоны. После чего лама опустился на колени и пополз в его сторону. Он остановился всего лишь в шаге от пленника, но Платон готов был поклясться, что в его глазах светилось почтение – с таким обожанием не грешно было взирать на воскресшего Будду.

Лама подошел еще ближе, потом потянулся правой рукой к Платону. Он вдруг осознал, что у него не осталось более сил даже для того, чтобы отстранить вражью длань.

Вот что значит судьба!

Видно, ему на роду написано умереть под широкой ладонью буддийского монаха, издав на прощание негромкий хрип, а огненный конь – всего лишь небольшое испытание перед грядущим забвением. Лама осторожно ухватил толстыми кривыми пальцами истлевший краешек его одежды и бережно поднес к губам. Затем вдруг произнес:

– Будда пожалел тебя. Иди... Ты свободен!

Платон не верил своим ушам. Вдруг его ужалила мысль: ведь как только он поднимется на ноги, так его горло ловко захлестнет петля, после чего с торжествующей улыбкой лама наступит на поверженное тело.

Черт бы их побрал, этих азиатов!

Но лама продолжал отползать к остальным монголам, а те усиленно оказывали вору знаки наивысшего почтения – сомкнув ладони у самого подбородка, они мелко кланялись вору.

Платон украдкой перекрестился: видно, крепко за него молится перед господом усопшая матушка. Он поднялся и, не оборачиваясь на своих мучителей, стал ковылять вниз по тропе.

Высоко в небе парил орлан – горькая думка о прошедших испытаниях. Слегка покачивая крыльями, птица сделала круг над поляной, потом такой же ленивый – другой и, не дождавшись желанного, разочарованно отлетела к заснеженному хребту.

* * *

Платон брел уже целый час. Ему хотелось как можно дальше уйти от проклятого места: а вдруг монахи одумаются да приволокут его на аркане, чтобы вновь посмотреть, как он гарцует на раскаленной лошадке. Каждый шаг отдавался острой болью, и ощущение было таким, будто на тропу с него отваливаются куски мяса.

– Все! Кажись, отходился.

Платон осторожно присел на траву. Набравшись мужества, он посмотрел себе между ног. Зрелище испугало.

– Господи, теперь только в евнухи!

Платон крепко зажмурился и проклял прошедший день.

Последнее его путешествие не предвещало ничего дурного. Дорога была знакомой – истоптана десятки раз, и Платон знал на ней едва ли не каждый камень. В этот раз поездка оказалась на редкость удачной: на мохнатой низкорослой лошадке сидела красивая монголка лет шестнадцати. Она уже давно перестала спрашивать, что они за люди и куда ее везут. Видно, вполне удовлетворилась тем, что ее не трогают и кормят отборным рисом с жирной бараниной. А потом она рассчитывала на заступничество великого Будды.

По этой тропе Платон перевез уже немало девиц в сибирские селения, где продавал их на многочисленных торгах местным и заезжим казакам. Мужики, изголодавшиеся без бабьей ласки, платили за них, как правило, золотым песком, и после каждой такой поездки Платон зарывал в своем огороде по несколько фунтов драгоценного металла.

Прежде чем превратить баб в товар, их опаивали до одури, увещевали ласковыми словами, а то и просто силком запихивали в припрятанные мешки. И только немногие из них, услышав о красавце-женихе, изъявляли желание поменять батюшкино хозяйство на далекие северные земли.

Баб излавливали в самых неожиданных местах: в поле, когда они выгуливали скот, у ручья во время полоскания белья и даже поутру, когда те справляли нужду.

В этот раз Платон с приятелями знал, куда шел. Один из купцов (молодой красивый ухарь лет двадцати пяти) подглядел в соседнем монгольском селении девицу необычайной красоты и пообещал расплатиться щедро с тем, кто отважится привезти ему дикий степной цветок. Беда заключалась в том, что девка была сговорена, и престарелый родитель дождался ближайшей полной луны, чтобы получить за нее такой калым, какого хватило бы еще на одну длинную жизнь, – чем не радость отдавать замуж красавицу-дочь за самого богатого жениха степи!

Девушку подловили ранним утром, когда она, покинув юрту, легкой козочкой спешила к ручью. Платон вышел из-за огромного, в два человеческих роста, валуна и расторопно накинул ей шелковый мешок на голову, перевязав у самого пояса шнурком. Девица особенно не

противилась, видно приняв похищение за диковатую забаву будущего муженька. Подобные прогулки, с запыленным мешком на лице, невесты знавали и в прежние времена, когда будущий муж, обуреваемый желанием, относил девицу в укромное место, где и совершал таинство супружеского обряда. Но когда невесту отвезли далеко в город и стянули с головы мешок, то красавица испытала ужас – вместо дикоглазого женишка на нее, с вожделием вытаращив круглые глаза, взирали семеро рыжебородых мужиков.

– Если увижу, что найдутся охотнички попортить товар, – грозно пробасил Платон, оглядывая слащавые физиономии мужичков, – самолично порешу и разбираться не стану! Непорочной мы взяли девку, и прибыть таковой должна.

Девица осмотрелась. Сузила глаза, так что оставались едва видимые блестящие черточки, а потом подняла такой жуткий крик, что на соседней горе потревожила семейку орланов, которые испуганно слетели со скалы и потом долго тревожно летали, оглашая окрестность горганными хриплыми звуками.

Похитителей настигли на третий день, в тот самый момент, когда они, скинув баулы с нагруженных спин лошадей, решили передохнуть в небольшом каменистом распадке под тенью разросшегося орешника. Все произошло быстро – почти одновременно с противоположных склонов жутковатыми свистящими птицами слетели арканы и крепко затянулись на шеях похитителей. А еще через несколько секунд, громко шурша осыпающимися камнями, к орешнику вышла большая группа монголов. Старшим среди них был старик с блинообразным лицом, его кожа была почти лишена растительности, только на остром подбородке, что упрямо выдавался вперед, торчало несколько седых волос. Опираясь на кривой посох, он шел медленно, но уверенно и остановился только у ручья, который, разлившись, представлял непреодолимую преграду.

Старик слегка приподнял свободную руку – и тотчас на его ленивый жест подскочили два молодых монгола, которые бережно подняли старика на руки и, не замечая потоков воды, что мгновенно подобралась к самым краям голенищ и обильно залили подошвы, пошлепали через стремнину ручья к противоположному берегу. Преодолев водную преграду, они бережно поставили старика на землю.

– Ты, русский, – вор! – ткнул он кривой желтый палец в лежащего на земле Платона.

Платон хотел было возразить, но тугой узел веревки беспощадно затянулся на его шее, выдавив из нутра лишь хлипкий жалостливый хрип:

– Хрр...

– Это нехорошо, – погрозил старик пальцем, будто его провинность заключалась в том, что он наступил сапогом на котенка. – Такой молодой, а так безобразничаешь, – покачал старик лунообразной головой. – Ай-яй-яй! Как нехорошо!

По-русски старик говорил сносно, и можно было запросто предположить, что молодость свою он провел вдали от полынных степей, а кто знает, может быть, и ему знакомо шальное ремесло вольного добытчика.

– Ты у них старший, я знаю тебя. – И, скаля проржавевшие зубы, продолжал: – Ведь я сам такой! Я тебе покажу, какой бывает настоящая смерть.

Старик махнул рукой – пленников мгновенно поставили на ноги, скрутили запястья веревкой, и монголы, вскочив на коней, поволокли их в гору.

Степняки всегда были изобретательны на казни – вора могли привязать за конечности к двум склоненным березам, которые распрямлялись ударом топора и развешивали на макушках деревьев потроха казненного; часто степняки привязывали вора к седлу и погоняли коня до тех пор, пока его тело не разбивалось в лохмотья об острые камни.

Платон закрыл глаза – он ожидал, что монгол прищпорит коня и с первым же прыжком его череп расколется об острые булыжники. Он даже представил, как это произойдет: кость

треснет полым орехом и его не станет. Но степняк управлял конем неторопливо, как будто позади брел не разбойник, а шествовала царственная особа.

– Вот мы и пришли, – произнес старик, когда они спустились к равнине, поросшей высокой травой.

Слова были произнесены с большой долей нежности. Именно таким тоном престарелый любовник обращается к своей молодой пассии.

Платон хотел ответить, что старый дьявол не в меру любезен, если, перед тем как отрубить голову, решил показать райский уголок. Но вместо слов из горла вылетали хрипящие звуки.

– Да, да, вижу, как ты рад, – довольно улыбался старый разбойник. – Это место очень подходящее для могилы. Привяжите этих людей к камням, – произнес в никуда старик.

Оброненная фраза была мгновенно услышана – крепкие руки степняков ухватили пленников за шиворот и толстыми веревками породнили их с холодными камнями.

Старик отошел немного в сторону и стал наблюдать. Он показал иноверцам дорогу в ад, теперь – дело за провидением.

Ждать пришлось недолго: скоро из трав показалась лоснящаяся полосатая спина тигра. Зверь высоко вверх задрал красивую голову и ярко-желтыми глазами блеснул прямо перед собой. Это была тигровая тропа, соединявшая между собой два дальних ущелья, и он здесь был хозяин. Многие сотни лет его предки шли этой же дорогой в широкую равнину, изобилующую зверьем. Ровно столько же лет именно на этой тропе привязывали к валунам обреченных – легкую и вкусную добычу.

Стоило тигру лишь однажды испить кровь человека, как другая пища представлялась ему безвкусной.

Перед людьми стоял матерый самец, состарившийся на человечине. Он обленился – даже непродолжительный бег за косулей представлялся ему сверхсложной задачей. Совсем иное дело – рвать угощение, которое заходится от крика, и глазами, полными ужаса, разглядывает своего палача. Тигр-людоед привык не обращать внимания на людей, стоящих поодаль. Он знал – они останутся безучастными к участи своих собратьев точно так же, как стадо антилоп к животному, попавшему в крепкие лапы хищника.

Тигр подошел почти вплотную к первому пленнику. Платон с ужасом подумал о том, что на этой же тропинке должен был стоять и он. Если бы не воля старого монгола, уже сейчас бы он почувствовал на своем лице горячее дыхание зверя.

Старый самец ненавидел человеческие глаза. Они умели смотреть так жестко, как будто бы бросали вызов, а старый тигр, чья шкура помнила множество поединков, проигрывать не умел – он привык быть победителем, и первый удар пришелся по лицу. Огромными когтями, каждый из которых был величиной с кинжал, он сорвал с головы кожу, которая повисла поверх одежды пленника кровавыми лоскутами, и проник под черепную коробку, выцарапав мозг.

Смерть была мгновенной – Платон увидел, как Мирон, молодой парень лет двадцати, повис на веревках, издав хрипящий звук. Теперь он понимал, что душа покойного выходит через горло. Это был второй переход парня через снежный перевал – молодец надеялся сколотить денег и удивить приданным зазнобу.

Вот и отгулялся!

Зверь лениво царапнул Мирона по животу, и когтистая лапа выгребла ворох красных внутренностей. Тигр шел не спеша, в движениях просматривалась царская грация. Зверь был сыт, но он не мог отказаться от угощения.

Следом за самцом из густых зарослей показалась тигрица – изящная поджарая кошка с хищным оскалом, а за ней, радостно повизгивая, точно бестолковые котята, спешили два тигренка. Толкая друг друга, они норовили цапнуть мать за хвост, но тигрица, возбужденная свежим запахом крови, лишь мотала хвостом из стороны в сторону.

Широкими ноздрями она хищно вдохнула настоящий на сладкой крови воздух и мгновенно опьянела.

– Ры-ы-ы! – напевно и сладко прозвучало на тропе.

Тигрята прекратили забаву и, без конца фыркая, поспешили за матерью. В них проснулся инстинкт охотников.

На тропе, привязанные к валунам крепкими веревками, оставались еще четверо. Наблюдая за товарищами с высокого бугра, Платон видел, как помертвели их лица. Старик-монгол одобрительно покачивал головой.

А тигрица меж тем провела лапой по одному из плененных, вырвав когтем горло, потом подошла к другому и так же уверенно разодрала ему глотку. Двое оставшихся в живых не смели даже крикнуть, они были парализованы ужасом, и самое большое, на что у них хватало сил, так это закатить глаза под небеса и вспомнить всех святых заступников.

Платон почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Секунду он пытался еще противостоять отвратительному ощущению, а потом на землю пролилась ядовитая густая зеленоватая желчь.

Старец повернулся к Платону и невинно поинтересовался:

– Неужели я зря старался? Тебе не понравилось?

Слова старика вызвали у Платона новый приступ тошноты.

– Какая жалость! Не думал, что это может так на тебя подействовать.

Глаза старика от невинного вопроса сделались круглыми – ни дать ни взять всего лишь несмышленный младенец, который даже не подозревает о совершенной шалости.

Тигрица ударом лапы распотрошила третьего и четвертого пленников, потом, шумно втянув в себя воздух, медленно отошла.

– На месте каждого из них мог оказаться ты! – безрадостно подытожил монгол. – Я знаю эту семейку тигров-людоедов, они не оставляют в живых никого. Они не уйдут отсюда до тех пор, пока не обглодают все кости. Мы всякий раз прибегаем к их услугам, когда ловим в наших краях вора. Может быть, поэтому среди нашего народа почти нет краж. Все боятся тигриных челюстей. Ха-ха-ха!

– Ты плохо шутишь, старик, – похолодел Платон.

– Как умею. Только тебя мы уже выслеживаем давно. Ты уже не первый раз приезжаешь к нам и воруеть женщин.

– Прости, это было в последний раз, – продолжал хрипеть Платон.

Старик негромко расхохотался.

– Конечно же, это было в последний раз. Ты умрешь... Все твои путники умерли почти мгновенно, но ты этого не достоин, для тебя же мы приготовили другую смерть. Прежде чем умереть, ты оседлаешь нашего жеребца – с его седла хорошо просматривается смерть. Жизнь из тебя будет уходить по каплям, и, прежде чем отправиться в лучший мир, ты изрядно еще помучаешься.

Истинный смысл слов об уходящем бытии Платон понял несколько часов спустя, оказавшись верхом на раскаленном металле, но в те минуты он даже не мог предположить, насколько точно они выражают суть.

* * *

Платон очнулся от прикосновения. Над ним стоял молодой, лет двадцати пяти, высокий человек. Он колодезным журавлем согнулся над его беспомощным телом и улыбался в самое лицо.

Что за дела!

Повертев головой, он удивился еще больше, – насколько он мог судить, то сейчас находился в небольшой избе, в которой совсем по-домашнему потрескивала лучина, наполняя пространство жженой смолой, отчего становилось необыкновенно уютно на душе.

Нет ни старика с посохом, ни вежливого ламы-палача, ни учтивых монголов, подбрасывающих в костер сухой хворост, в прошлом оставался горячий конь с дымящимися ноздрями. И если бы не огромные язвы на теле, то он мог бы подумать, что все это ему пригрезилось.

– Очнулся?

– Да.

– Это хорошо. Второй день без движения лежишь. Я тебя отварами поил. Помогло, – протянул он удовлетворенно.

– Как я сюда... попал?

– Я тебя нашел в ста метрах от железного коня.

– Вот как?

А ему-то казалось, что он отползал от истукана, который должен был стать его плахой, целую вечность, а продвинулся-то – всего ничего! Да-а!

– Не горюй, скоро выздоровеешь! Я тебя мумие обмазал, в твоём положении лучшего лекарства на всем белом свете не отыскать. Хотя им в этих местах лечат все – простуду, бесплодие и даже грыжу, – улыбнулся хозяин одними губами.

– Почему?

– Почему не умер? Потому что по чистой случайности я рядом оказался в этих местах, – бесхитростно отвечал незнакомец. – Полежал бы ты еще час-другой, и тогда тело гноем бы изошло и уже не спасти. В общем, судьба!

В избе продолжалось веселое потрескивание сучьев, через щель закрытой створки пробивался отблеск огня, и душа Платона наполнялась все большим покоем.

– Почему... монголы не убили меня?

– Ах вот что. Понимаю. Ты, наверное, вор, а то еще что похуже! Таких людей в этих местах не очень-то привечают. А если поймают, так привязывают их или к хвостам лошадей да гонят через камни, а то разрывают березами, других оставляют привязанными на тигриной тропе... Знаешь ли, есть у них такой обычай. Иных, особо отличившихся, сажают они на раскаленного жеребца. Видать, ты именно из таких! Я немного знаю этих инородцев, как-никак четвертый год брожу по здешним горам. А почему они тебя не убили? Так это не из жалости! Просто потому, что посчитали тебя святым.

– Как это? – Платон выглядел почти обескураженным.

– А вот так, милейший! Где же это видано, чтобы человека привязали к раскаленной печи, а он потом еще и живым остался? Не удивлюсь, если они тебе после всего этого еще и кланялись.

– Было и это, – едва улыбнулся Платон и почувствовал, как спекшиеся губы треснули, брызнув на подбородок солоноватым кровавым соком. Парень ему определенно нравился, и даже не только потому, что тот оказался его спасителем. – Как тебя звать?

– Егор... Нестеренко.

– Егор, значит. А меня Платон. Должник я твой. А я из тех людей, которые про долги не забывают. Даже если в могиле буду... крикнешь меня, Егор, так я землю руками разбросаю и к тебе на божий свет выползу... И в беде не оставлю.

– Что дальше думаешь делать, Платон? – Егор положил влажную тряпку на обожженное бедро, и Платон мгновенно почувствовал, как саднящая боль ушла, уступив место благодати и успокоенности.

– Обет я себе дал: если в живых останусь, в священники подамся. Богу служить буду.

Егор мягко улыбнулся:

– Значит, теперь будет кому с меня грехи снимать.

Глава 2

Неожиданное откровение

Платон закончил свой рассказ. Варяг, глядя на него, потрясенный, молчал. Наконец он выдавил:

– Так, значит, ты с Егором Сергеевичем был... – и не закончил.

Платон выпроводил племянницу из горенки и присел к гостю поближе. Помолчав, он со значением произнес.

– А ты, стало быть, Владислав... Варяг! – Платон глядел на него с нескрываемым интересом и почтением. – Про меня-то Егор тебе не сказывал? Нет?.. А он ведь у меня часто бывает. Мы с ним с той поры, как он меня спас, лет тридцать не виделись. А потом вдруг случайно встретились – знаешь где?

Владислав помрачнел:

– Где же?

– В Перми! Я там в конце пятидесятых служил в одной церквушке. Он зашел поглядеть на иконостас – и мы с ним нос к носу столкнулись. Сразу узнали друг друга. Адресок он мне свой московский оставил. А потом, как я здесь осел, стал часто гостевать. С тех пор регулярно видимся.

– Как часто, отец?

– Не скажу что каждый год, но раз в два-три лета непременно сюда наезжает. Мы тут с ним на охоту ходим, по грибы. Он любит лес. Говорит, тут его размаривает... Отдыхает душой. – Платон усмехнулся в бороду и перекрестился. – Не мудрено, парень, что ты обо мне не слыхал. Он же об этих своих выездах сюда ни единой душе не говорит – даже дочке, Викуше. Это наша с ним тайна! Да... Ну а сейчас-то как он там? Викуша как? И почто мне заранее не сообщил, что ты придешь? Почему от Муллы весточка пришла, а от Егора – нет?

Варяг крепко сжал зубы, так что челюсти заломило. Он глубоко вздохнул, собираясь с духом выложить деду страшную новость.

– Нет больше Егора Сергеевича, отец. Умер он.

– Как так умер?!

– Погиб. И Вики нет больше...

Глаза Платона, до сего мгновения горящие двумя яркими угольками из-под косматых седых бровей, разом потухли. Морщинистые руки, лежащие на столе, задрожали.

– Как же это? Он же не болел вроде? А с Викой-то что же случилось?

– Не болел он, отец, – жестко сказал Варяг. – В авиакатастрофе погиб. Летел в самолете – и разбился. А Вики убили. Да и Егора Сергеевича, если по правде, тоже убили. А чтоб его отправить на тот свет, еще двести человек заодно угробили.

– Горькие дела! – прошептал старик. – Видать, добрались все-таки до него. И ее не пощадил! – Он поднялся и двинулся к двери, точно хотел выйти из горенки, но передумал и вернулся. – Я о тебе много знаю, Владислав. Мы с Егором вот в этой горенке до утренней зорьки разговоры вели о тебе, о деле его, о России нашей... Сложное дело он задумал и страшное. Сейчас сам черт не разберет, что в стране творится. Я в этом ничего не пойму. Егор пытался мне мозги прочистить, да, видно, уж стар я, не в силах... На веру брал его слова, потому как мы с ним, почитай, полвека знаем, пуд соли съели. И я же ему помогал чем мог все эти годы. Он же мне наказал и тебя сберечь в случае чего. Да разве мог предположить Егорушка, что ты вот так у меня очутишься. Но судьба она штука странная... Вот взяла тебя за руку и привела прямиком ко мне... – Он горько усмехнулся. – Никак Егор с того света поспособствовал.

– Так ты если знал про меня, неужто не догадался? – с улыбкой спросил Варяг.

– Не догадывался. Сначала в толк не мог взять, кто ты таков. Хотя наколочку твою на груди видал, а не догадался. Только вчера меня вдруг осенило. И как же вышло, что ты припозднился так? И еще, вижу, ты тайничок в дупле не нашел?

Варяг махнул рукой.

– Долго рассказывать, отец. А я ведь поначалу почему тебе чушь стал лепить – мне ведь Мулла не сказал, что ты с внучкой живешь. Принял тебя за другого человека.

– Понятно, – усмехнулся Платон.

– А тайничок твой я нашел, – продолжал Варяг, – только он пустой оказался. Там до меня чужие побывали. Словом, слава богу, что добрался до тебя. А то бы так и подох в тайге.

– Да ну тебя! – Платон усмехнулся. – А скажи-ка мне...

Тут скрипнула дверь – вошла Елена. Лицо ее было бледно.

– Дед, все равно я все оттуда слышу, дай мне с вами посидеть.

Платон вопросительно посмотрел на Варяга, тот чуть кивнул: пускай, мол. Елена села на лавку у стены и замерла.

– Ты, отец, хотел мою историю послушать, – начал Варяг глухо. – Но ведь тебе и так про меня все известно. Так что рассказывать мне тебе нечего. Но если хочешь, я тебе расскажу, почему убили Нестеренко...

И Варяг стал рассказывать, не утаив от удивительного старика ничего из событий полугодичной давности – о его неожиданном аресте в Америке и заключении в американскую тюрьму, о приезде в Сан-Франциско Нестеренко, о перелете в Шереметьево, о побеге, о гибели Вики... Все, вплоть до страшного марш-броска под землей, лесной схватки с рысью и о неожиданной встрече в охотничьем домике с тремя незадачливыми бродягами...

Варяг, рассказывая, будто со стороны смотрел на все, что с ним произошло, и только теперь осознал, как нужно было ему выговориться, чтобы понять, где, на каком свете он находится, попытаться угадать, куда теперь поведет его сумасшедшая судьба. Он вдруг впервые по-настоящему ощутил, что остался совсем один, что все, кого он любил, либо мертвы, либо находятся неизвестно где. И понял, что с этого самого момента жизнь его начинается сначала, как это было уже не раз.

Закончив, он, сам потрясенный собственным рассказом, умолк. Дед тоже хранил молчание, и Елена, боясь пошевелиться, ждала, пока слезы, давно катящиеся по ее щекам, сами высохнут.

Стараясь разрядить возникшее напряжение, Платон кашлянул и спросил:

– Да так скажи мне, любезный, что же вообще происходит и кто же теперь без Егора направлять нас будет?

Варяг нахмурился.

– То, что обычно происходит в России в смутные времена, – круговерть вокруг трона. Стоит лишь царю-батюшке расчихаться, как уже придворная челядь бросается строить далеко идущие планы, а то и вовсе перекраивать страну по своей прихоти. Мы же с тобой, отец, Карамзина читали...

– Но ведь нынешний-то кремлевский... вроде здоров! – неуверенно вставил Платон.

Варяг усмехнулся:

– Да у него семь пятниц на неделе! Сегодня бодрячок, а завтра уже при смерти. Вот они и суетятся. А прошлой осенью такой шмон по всей России устроили, что до сих пор опомниться не можем. Решили всех наших людей повязать, перевербовать, а самых непокорных – угрохать. Помнишь, отец, путч девяносто третьего?

– Припоминаю.

– Вот тогда уже начали подкоп вести. А в прошлом году продолжили. Потому и меня сгноить решили в этой глуши, и подельников моих, и Егора Сергеевича.

Варяг осекся и взглянул на Елену. Она молча смотрела на него, в уголках рта пролегли две скорбные складочки. Девушка словно все понимала, хотя Варяг намеренно говорил околечностями, которые, как ему казалось, были понятны одному лишь Платону.

– Только поторопились они нас похоронить, – сдерживая прорывающуюся из горла злобу, продолжал Варяг. – Сделаем так, как должно быть по правде. Без Егора Сергеевича, конечно, трудно придется, но мы сумеем. Мне бы сейчас в общей ситуации разобраться. Я еще пока не в курсе всех дел. Вот вернусь – там видно будет. И чем скорее это произойдет, тем лучше. А потом у меня должники в Питере есть, нужно все сполна им вернуть. Рассчитаться с ними нужно. Время не ждет! Послушай, отец Платон, сможешь мне снарядиться в обратный путь, а?

Платон закричал.

– Спрашиваешь напрасно. Неужели и так не ясно? Конечно, помогу.

Утром Платона дома не оказалось. Он сам запряг лошадь и уехал в сторону райцентра. Варяг не знал, что и думать. С одной стороны, Платон был близким другом Нестеренко, и трудно было предположить, что он может чем-то навредить Варягу. С другой стороны, Варяг совсем не знал старика, кроме того – тот был священником, и кто знает, зачем ему вдруг так срочно понадобилось в райцентр. На мгновение усомнившись, Варяг даже подумал о том, чтобы сбежать, пока не поздно. Но все-таки остался, решив довериться судьбе, которая до сих пор заботливо оберегала его.

Днем он помогал Елене по хозяйству, они много разговаривали, а ночью она снова пришла к нему и снова заставила его забыть обо всем на свете.

* * *

Елена сразу поняла, что больной, которого они с дедом нашли в лесу, – беглый заключенный. Но страха к нему она почему-то не испытывала, может, потому, что он был слабый и беспомощный. А может, потому, что он как-то сразу пробудил в ней женский инстинкт – желание принадлежать и быть любимой. Он был красив, обаятелен, но главное – представлялся ей квинтэссенцией мужской силы и волевых качеств. И странное дело: как только она в первый раз увидела его сильное голое тело – мускулистую грудь с темно-синей наколкой, бицепсы на руках, подтянутый живот, – в ней сразу проснулась дремавшая страсть.

Елена давно уже не была с мужчиной. И в первую ночь, проведенную с Владиславом, боялась собственной робости, стыда, предчувствия боли. Но все случилось так естественно, нежно, романтично даже, что она окончательно растаяла.

И в эту ночь, впервые оставшись в доме вдвоем с Владиславом, без Платона, Елена совсем осмелела. Придя к нему в постель и устроившись рядом под его боком, она ощутила прилив возбуждения. Владислав обнял ее сзади, сильно прижав к себе. Его ладони легли на соски ее высоких грудей. Она с содроганием и волнением ощутила его нежное прикосновение, словно Владик боялся причинить ей боль.

– Нравится? – прошептал Владислав.

– Да-а, – едва слышно ответила Елена, сладостно морщась от накатившего чувства возбуждения.

– Я хочу тебя! Сразу! – Владислав хриловатым шепотом заставил ее трепетать еще сильнее.

Елена лишь постанывала – сначала тихо, потом все громче. Владислав повернул ее лицом к себе. Девушка, поддаваясь его воле, легла на спину. Он оказался сверху, и тут же она почувствовала, как он легко вошел в нее, грозя пронзить насквозь, разорвать все внутренности. В

какой-то момент ей стало больно, но тотчас неприятное ощущение переросло в острое мучительное удовольствие.

Она улыбнулась.

А еще через минуту Елена ощутила, как на нее накатывает волна удовольствия, грозя поглотить ее целиком, завертеть в бешеном танце, свести с ума. Ее тело вдруг оторвалось от земли, голова закружилась, затуманилась, и она – поплыла. Елена ничего не чувствовала – только щемящую сладкую бурю восторга, которая пронзила каждую клеточку ее естества. И она закричала. Истошно, дико.

Когда волна оргазма отхлынула, то она уже не чувствовала ни рук, ни ног, как если бы превратилась в облако.

Владислав тоже застонал, крепко сжав ее плечи, навалившись на нее всем телом. А Елена с восторгом ощущала эту тяжесть и исходящий от сильного мужского тела горьковатый запах пота, смешанный с тяжелым ароматом секса...

Глава 3

Телефонный разговор

Платон прибыл в Северопечерск после обеда. Кобылу с телегой он оставил на рыночной площади под забором бабки Дарьи, которая обычно торговала его картошкой и капустой. Сам же дед отправился напрямик на почту и заказал два разговора – с Петербургом и с Москвой.

Первым дали Петербург.

Платон плотно затворил дверь переговорной будки, снял трубку и тихо пробормотал:

– Слушаю!

На другом конце провода раздался недовольный мужской голос:

– С кем говорю?

Его, видно, разбудил междугородний звонок.

– Привет тебе, мил-человек, от Муллы, – произнес Платон ключевую фразу.

– Какие новости, как он?

– Живехонек, тебе привет передает. Обитает все в тех же краях. Просьбица у него к тебе небольшая имеется.

– Что за просьба?

– Надо одного хорошего человека приютить.

– Когда именно?

– Чем раньше, тем лучше.

– Я ждал раньше, сейчас возникли некоторые трудности. Нужно повременить. Что-то у нас сейчас беспокойно.

– А когда сможешь?

– В пятницу подходит?

– Можно и в пятницу, стало быть. А сегодня у нас... воскресенье. Погоди, куда же ему деваться?

– Это все, что смогу.

– Ага! Ну, благослови тебя бог.

Платон вышел из будки. В целом складывалось неплохо. Самое главное, что человек оказался на месте и теперь за Варяга можно не волноваться. Пристроят!

Соединения с Москвой пришлось ждать почти полчаса. Но Платон терпеливо сидел на продавленном стуле у телефонной будки, раскланивался с посетителями. Всех их он хорошо знал, кроме разве что самых молодых, многих из которых он крестил при рождении, но которые деда не признавали за давностью лет.

Наконец телефонистка крикнула:

– Токарев!

Платон вскочил со стула и заторопился в будку. Старик волновался, с неудовольствием отметил, что мелкой дрожью забили руки, когда он взял телефонную трубку.

Этому человеку он звонил впервые и совершенно не представлял, как сложится разговор. Телефон он получил от Егора давно, года три назад. Человек мог и квартиру поменять, и вообще уехать в далекие края, а может, и вовсе сменить профессию, так что никакой помощи от него теперь и не дождешься.

К тому же Егор предупредил его, что тревожить этого человека можно будет только в случае крайней необходимости.

Платону и на этот раз повезло.

– Да.

Уже по интонациям голоса – жестким, уверенным, начальственным – он понял, что попал на нужного человека. И начал так, как учил его Егор:

– Вам привет с Северной Печоры. Один ваш старый знакомый дал мне ваш телефон и наказал обращаться за помощью в крайних случаях.

Платон умолк и с трепещущим сердцем стал ждать ответа.

Человек недолго молчал, и его неожиданный ответ несказанно удивил старика:

– Вы... Платон?

– Да.

– Слушаю вас.

* * *

– Отец Платон. Батюшка, отзовись! – раздался за окном насмешливый крик.

Елена выглянула в окно и увидела Витьку Карасева, или просто Карася, как его звали во всей округе, – известного в Северопечерске гуляку и бабника. Он время от времени навещался к Платону за травяными горькими настоечками, которые дед заготавливал на зиму. Но визиты Карася имели и еще одну цель – он не оставлял надежды охмурить лесную нимфу.

Вот и сейчас, завидев Елену, весь расплылся в самодовольной ухмылке.

– Здравствуй, голубушка, как живешь-поживаешь? Дед-то тут? Или одна домовничаешь?

Карась подошел к дому и, на руках подтянувшись к наличнику, заглянул в горенку через распахнутое оконце.

Заприметив незнакомого крепкого мужчину, сидящего на стуле, он испуганно встрепенулся и соскочил на землю.

– Ах, извините, барышня, вы заняты-с! – И, шутовски раскланявшись, Карась ретировался в лес.

Елена нахмурилась и села за стол с печальным видом.

– Ты что? – спросил Варяг, положив ладонь ей на локоть.

– Нехорошо, что Витька тебя видел. Опасаюсь, как бы чего не случилось.

– А что может случиться?

– Неприятный он, и язык у него без костей, вот что!

* * *

К вечеру второго дня приехал отец Платон. У него был усталый вид, но выглядел довольным. Скупно улыбнувшись, велел Елене накрывать на стол. Когда она поставила припасенную бутылку водки, точно угадав, что именно сейчас она может пригодиться, Платон удовлетворенно крякнул, открыл бутылку, налил всем по полстакана.

– Помянем, – произнес он, и они, не чокаясь, выпили за упокой Нестеренко Егора Сергеевича.

Старик закусил водку маринованным белым грибом. Прожевав, сказал:

– Вот что, сынок. Я позвонил кое-кому. Завтра тебя отвезут. За тобой пришлют вертолет и доставят тебя куда там тебе надо. В Ленинград, говоришь, надо?

Варяг кивнул:

– В Питер.

– Ну, в Питер так в Питер... Есть там кто-нибудь, кому довериться можешь?

– Пока не знаю, – честно ответил Варяг.

– Ну так я дам тебе адрес... Есть у меня парень один, он мне вроде сына. Поможет во всем. Ему можешь доверять, как мне.

Он посмотрел на Елену, которая молча, с покрасневшими глазами сидела за столом.

– Отец, – неожиданно прервал тягостное молчание Варяг, обратившись к старику с просьбой: – Исповедуй меня! И благослови...

Взгляд Платона посуровел. Он, видно, чрезвычайно серьезно воспринял эту просьбу.

– Ты и вправду хочешь исповедаться, сын мой?

– Да, отец Платон, – Варяг смиренно склонил голову.

– Хорошо, будь по-твоему. Пошли в часовню.

Варяг удивился, но виду не подал и последовал за стариком в лес. Часовня располагалась шагах в двухстах от дома, окруженная густыми кустарниками, она не была видна даже вблизи. Платон отомкнул большой черный амбарный замок, висевший на железных петлях, толкнул дверь и пропустил Варяга внутрь.

– Проходи, сын мой!

Пахло сыростью и застоявшимся ладаном. В углу в крошечной тьме теплилась тусклая лампадка. Платон зажег две свечи, осветившие маленькое помещение. На стене Варяг приметил две иконы и большой позолоченный крест.

Платон повозился во тьме и вернулся к Варягу облаченным в стихарь. Теперь было видно, что Платон – священник. Старик положил Варягу на голову епитрахиль и вполголоса прочитал разрешительную молитву.

– Слушаю тебя, сын мой.

– Я немало нагрешил в жизни, отче.

– В чем твой грех, сын мой?

– Я убивал. Из-за меня погибли люди.

– Ты убивал невинных и беззащитных?

– Нет, отче, я убивал, спасая свою жизнь.

– В чем еще заключаются твои грехи?

– Я хотел жить по правде.

– А в чем заключается твоя правда?

– Я хотел принадлежать избранным, отец.

– Зачем, сын мой?

– Чтобы потом помогать обездоленным и гонимым.

– И что же потом стало?

– Я помогал... Но все оказалось значительно сложнее, чем я предполагал. Я хотел, чтобы сильные и слабые жили по своим возможностям, а не по прихотям судьбы. Но на моем пути всегда было много трудностей, и много сил я потратил на то, чтобы преодолеть их. Часто получалось не так, как я рассчитывал.

Варяг задумался на мгновение.

– Пожалуй, да. Но в церковь не хожу.

– Важно, чтобы господь был у тебя в душе, – наставительно заметил отец Платон. – Но скажи мне, почему же ты не чтить заповеди Христовы? Одна из них гласит: не укради!

– А разве можно считать за воровство то, что я забираю несправедно заработанное и потом раздаю это несчастным и нуждающимся?

– Кому же?

– Своим братьям, попавшим в беду. И к тому же я себе ничего не беру. Я всего лишь хранитель казны.

– Странно ты рассуждаешь, сын мой. Но, может быть, и в твоих словах есть правда, не мне судить, пусть тебя рассудит господь. В чем бы ты хотел еще покаяться?

– В том, что мало сделал для своих братьев.

Платон вздохнул. Похоже, ему было не по душе то, что он услышал от законного вора, но долг священника обязывал его принять покаяние.

– Понимаю твои благие помыслы, сын мой, – сдержанно сказал отец Платон и перекрестил кающегося.

Глава 4

Вы наглец, подполковник

На следующий день Александр Беспалый прибыл на коллегия, но оказалось, что ее перенесли на неопределенный срок. Всем участникам (тем более докладчикам) приказали ждать. Как это нередко случается, ожидание затянулось на несколько дней, но о вынужденном безделье Беспалый не пожалел ни разу – это время он провел с пользой: гулял по столице, а вечером, как на работу, шел в общежитие Института гражданской авиации. Заседание, состоявшееся через неделю, было посвящено состоянию исправительных учреждений России, и проводил его заместитель министра, курирующий ГУИН.

Все докладчики собрались в кабинете министра, который, как успел услышать Беспалый, находился где-то за границей. Доклад подполковника Беспалого был поставлен четвертым вопросом.

Беспалый чувствовал себя неуютно в большом холодном помещении с тяжелыми белыми портьерами на высоких окнах. Артамонов сидел за центральным столом и старательно делал вид, что с Беспалым незнаком. Он достал какие-то бумаги из папки, перебирал их, что-то черкал на них ручкой.

Когда очередь дошла до Александра Беспалого, его пригласили на трибуну. В течение пятнадцати минут подполковник прочитал свой рапорт и с тревогой стал ждать вопросов. Один из генералов поднял палец и помахал председательствующему, прося слова. В этот момент громко загудел телефон – это был не звонок, а именно зуммер.

Замминистра снял трубку и, ни слова не говоря, приложил к уху.

– Я попрошу присутствующих на несколько минут покинуть зал, – сообщил он с озабоченным лицом.

Генералы шумно поднялись и вышли через боковую дверь в приемную. Беспалый встал у окна и выглянул на улицу. По широкому проспекту неслись нескончаемые вереницы машин. В отдалении виднелась какая-то дымящая труба. «Мерзкий город, – подумал вдруг Беспалый. – И чего это сюда все лезут?»

Из-за спины к нему подошел генерал Артамонов. Он приветственно кивнул и тихо спросил:

– Написали?

– Так точно! – ответил Беспалый. – Сейчас можете передать?

Беспалый открыл портфель и вынул полиэтиленовую непрозрачную папочку. Артамонов взял ее и бросил в свой кейс.

– Хорошо. У меня к вам просьба. – Беспалый замер в ожидании. – Сегодня же отдайте приказ об организации усиленных поисков Варяга. Он вряд ли мог уйти далеко. Найдите его во что бы то ни стало – достаньте хоть из-под земли!

И тут Беспалого точно током ударило. Из-под земли! Ну как же он раньше не догадался! Подземный ход! Зэки вполне могли прорыть подземный ход, через который Варяг и ушел.

«Кроты» на зонах всегда пользовались большим уважением – они разрабатывали планы тоннелей, руководили землеройными работами и часто становились первыми, кто уходил на волю по свежерытому «метро».

Стареешь, Александр Тимофеевич! Сначала позабыл татуировку на сомнительном трупе осмотреть, а потом не догадался поискать в окрестностях колонии выход из зэковской «подземки».

– Что это с вами? – встревожился Артамонов. – Вам нехорошо?

– Со мной все в порядке, – поторопился успокоить его Беспалый. – Просто я немного разволновался. Первый раз приходится выступать на таком высоком собрании. А почему председатель попросил всех выйти?

Артамонов пожал плечами.

– Такая, понимаете, есть негласная традиция. Когда по вертушке звонят – посторонние присутствовать при разговоре не должны.

Беспалый про себя хмыкнул: ну и ну! Когда ему из Москвы звонят – кто бы ни был у него в кабинете, хоть дежурный офицер, хоть зэк – тайный агент, он никого не выгоняет.

Через пять минут членов коллегии пригласили в кабинет министра.

– Нам придется сворачиваться, – с некоторой озабоченностью объявил замминистра. – Звонили из администрации президента. Мне надо срочно вылететь в Минводы... Мы только что заслушали подполковника Беспалого. Вопросы к нему есть?.. Все ясно?.. Бунт заключенных подавлен, порядок в колонии восстановлен. Да, подполковник, вы не сообщили нам о потерях.

Беспалый поднялся.

– Виноват, товарищ заместитель министра. – Чем он слушал, этот мудака в лампах? Сказал же – убитых столько-то, раненых столько-то. – Потери среди заключенных составили...

– Извините, Михал Михалыч, подполковник упомянул о потерях, но он не сказал о главном, – перебил его пожилой генерал-лейтенант с очень знакомым голосом. – Товарищ Беспалый, кажется, именно у вас в колонии находился опасный преступник Игнатов. Что с ним?

Беспалый чуть не ахнул: да это же Калистратов!

Как же он изменился: совсем в старика превратился, краше в гроб кладут! Беспалый бросил взгляд на Артамонова: мол, как отвечать?

Артамонов моргнул и незаметно для окружающих опустил большой палец вниз.

– Игнатов погиб. В перестрелке. Труп был похоронен на кладбище, – отчеканил Беспалый и снова глянул на Артамонова.

Тот слегка кивнул: правильно.

На присутствующих это не произвело никакого впечатления. То ли они не знали, кто такой Игнатов, то ли их мысли были заняты своими делами, и они совсем не слушали провинциального подполковника.

Замминистра встал и поднял руку.

– Все, товарищи. Давайте закругляться. А вы, подполковник Беспалый, переговорите с генерал-лейтенантом Калистратовым в рабочем порядке. Я вижу, у него к вам есть дополнительные вопросы. Ведь Игнатов проходил по Северо-Западному округу?

– Именно так, товарищ заместитель министра.

В приемной Беспалый подошел к Калистратову, который на расстоянии вытянутой руки и вовсе выглядел скверно, – видно, у старого генерала были неприятности.

– Товарищ генерал, вы же знаете, что произошло с Игнатовым, мы это с вами подробно обсуждали по телефону, – с едва скрываемой насмешкой произнес Беспалый. – Мне неясно, почему вы у меня при всех об этом спросили.

– Я не обязан вам докладывать, подполковник, о своих намерениях! – сурово повысил голос Калистратов. – Раз я спросил – следовательно, мне надо было спросить. При всех.

«Интересно, – подумал Александр Тимофеевич, – а знает ли он о моей встрече с Николаем? Похоже, что нет. А раз так – генерала нынче не всегда держат в курсе острых служебных дел».

И он с облегчением процедил:

– А я полагал, что вы всех, кого надо, проинформировали. Выходит, члены коллегии не в курсе... о вашем заботливом отношении к Варягу?

Калистратов при этих словах заметно побледнел.

– А вы, оказывается, наглец, подполковник! – выдохнул он и, резко развернувшись, удалился.

После обеда Беспалый, как и договаривались, позвонил Николаю по телефону. Номер почему-то начинался с восьмерки – как межгород. Выходит, Коля уже обрелся где-то под Москвой.

Николай сказал, что выезжать в Ленинград – он почему-то упрямо называл Петербург по старинке – надо сегодня в ночь, что билеты уже доставлены к нему в общежитие на Фестивальную вместе с командировочным предписанием.

Беспалый чертыхнулся про себя: накрылось очередное свидание с московской шалуньей. Но делать нечего. С половыми изысками придется повременить.

Служебные интересы совпадали с личными, он и сам рвался в Питер – надеялся там разведать все, что сможет пролить свет на контакты Варяга. Тем более Николай намекнул, что человек, сидящий в Петербурге, выведет его на нужный след. При нынешних обстоятельствах, когда важна каждая минута, это особенно важно. Если Варяг все-таки жив и его не удастся взять в тайге по горячим следам, то он обязательно отыщется где-нибудь по старым адресам.

Глава 5

Классный любовник

– Знаешь, Марьяша, мне придется на несколько дней уехать. – Он провел рукой по ее голому плечу и скользнул ниже, к смугловатой выпуклости груди.

– Еще одна командировка, Витюша? – ласково пропела женщина, положив его сильную ладонь к себе на грудь.

– Командировка.

– И куда же?

– На этот раз в Германию.

– У твоей работы очень много положительных моментов.

Сержант невольно хмыкнул:

– Ты даже не представляешь, насколько много.

Марианна не стала мучить его расспросами. Не спросила даже, надолго ли. Она давно заметила, что Виктор Синцов – человек скрытный: о себе он рассказывает с большой неохотой, и за те дни, что он провел у нее, она практически ничего о нем не узнала. Но это Марианну не тревожило: она почему-то испытывала к нему подсознательное доверие. Наверное, оттого, что ее приворожила его мужская сила. От него просто веяло несгибаемой мощью – и не столько физической, сколько духовной.

Похоже, этот человек был наделен природой необычайной силой воли. Марианна видела, как бесстрашно он сцепился с тремя бандитами в ресторане и как подчеркнуто безмятежно он воспринял ее взволнованный рассказ о встрече в «Гостинке» с одним из тех бандитов.

При всей своей внутренней силе он оказался удивительно нежным и внимательным. Цветы он дарил каждый вечер, а за три недели их знакомства – три флакона французских духов, дорогое шампанское к ужину.

Правда, в рестораны выходили редко, но в их отношениях это было не главное.

На прошлой неделе Виктор принес – ну надо же! – несколько номеров «Криминального экспресса» и «Криминальной недели». Это ее удивило: странно, такой серьезный человек, бизнесмен, а читает какую-то бульварщину. Действительно, у каждого свои слабости. Или все-таки причуды.

Порой ее забирала настороженность, и, находясь на работе, она часто думала о нем и гадала, что он за человек. А воспоминания о ночах, проведенных в его объятиях, неизменно заставляли ее ощущать сладкий зуд, и волна возбуждения невольно пробегала по ее телу.

Возлюбленный он потрясающий!

Вот и сейчас она почувствовала, как его ласковые пальцы нежно притрагиваются к ее набухшему соску; другая рука, такая же непоседливая, устремилась к ее животу и дальше вниз, к самому основанию живота. Марианной овладела сладкая истома желания.

Классный любовник!

Она невольно хихикнула. В его-то возрасте! А сколько ему, кстати, лет? На вид лет сорок пять – сорок семь. Она провела рукой по его светлым волосам и стала всматриваться в спокойное лицо, изборожденное резкими овражками морщин. Обветренное многими ветрами лицо много пережившего и много повидавшего человека.

Кто же он, этот сильный, спокойный, нежный самец? В ее представлении таким мог быть... наемный убийца. Да-да, вот ведь какая дурацкая мысль!

Виктор властно откинул одеяло с ее обнаженного тела и, привстав на локте, стал жадно оглядывать ее груди, живот, талию, бедра. Потом так же властно просунул ладонь между ляжек и раздвинул их широко в стороны. Губы Марианны тронула робкая улыбка – хотя минуло уже три недели, как они стали любовниками, она все еще продолжала его стесняться. А он – нет.

Виктор принялся ласкать ее сам, сжимая и раздвигая медленно наливающимися, набухающие губы, проскальзывая пальцами в скользкий податливый зев...

Она застонала. Боже, как же ей было приятно!

Марианна мысленно подгоняла этот момент. Вот он наконец лег на нее почти всей тяжестью своего сильного мускулистого тела...

Дыхание Виктора участилось и стало шумным, что ее только распалило. Женщина согнула ноги в коленях и расставила их пошире, обхватив обеими руками его могучую спину.

Вдруг он остановился, резко выскочив из нее, сел.

– Что такое? – с тревогой воскликнула она.

– Дай-ка я под тебя лягу – поднимись! – не попросил, а потребовал Виктор. Марианна, не говоря ни слова, послушно выполнила приказ.

– Давай, доярушка моя, – зашептал он, закрыв глаза. – Сядь на меня, подои меня, выдои до капли!

Марианна села на него верхом, а он обхватил ее за бока и принялся с силой насаживать на себя. Ей было хорошо как никогда.

...Потом она без сил повалилась рядом с ним. Жуть! Что за мужик! Но теперь, когда девятый вал наслаждения отхлынул, она вновь вернулась к своим тревожным мыслям.

Когда Виктор сообщил ей о своей командировке, то она сразу почуяла обман. В первую секунду ей подумалось, что он бросает ее. Правда, это было на него совсем не похоже – уйти вот так, трусливо, навесив лапшу на уши...

Ясно было, что он действительно уезжает (это она чувствовала). Вот только в командировку ли? Но все же женская интуиция подсказывала ей не тревожить его ненужными вопросами. Вот только стоит поинтересоваться, как долго ей пребывать в неведении, и Марианна, повернувшись к Виктору, безмятежно спросила:

– А вернешься когда?

Тот выждал значительную паузу, в какой-то момент ему показалось, что он совсем не будет отвечать, но уже в следующую секунду его уста разлепились:

– Не знаю. Планирую дней через десять. А там как получится.

Вот тут он не соврал. Сержант и впрямь не знал, насколько затянется его «командировка». И вообще, куда он отправится после завершения дела. Нельзя было исключить варианта, что ему придется рвать когти из Питера, даже не попрощавшись.

Сержант встал с постели и подошел к окну.

Внизу гудел Большой проспект. Времени было девять утра, и жизнь уже бурлила вовсю. Он устремил взгляд вдоль проспекта. Потом обратил внимание на невзрачное ветхое трехэтажное здание напротив. Он проходил мимо него – судя по вывеске, в доме помещалась областная книготорговая контора. Виктор заметил, как крепкий, плотный мужчина свернул с проспекта к книжной конторе. Наметанный глаз Сержанта тотчас отметил необычную для книжного торговца военную выправку. Интересно, подумал он, какие темные делишки могут проворачиваться под этой невинной вывеской?

Сержант отвернулся от окна и улыбнулся Марианне, которая все это время неотрывно и влюбленным взглядом наблюдала за ним.

– Подъем? Тебе на службу пора, а мне – на вокзал.

– На вокзал? – удивилась она.

– Терпеть не могу самолеты! Путешествую только поездом. У меня билет заказан: Петербург – Берлин.

Упреждая ее возможные вопросы, он сразу на них отвечал.

– Понятно.

Она поднялась с кровати, накинула халатик.

– Звонить хоть будешь?

– Звонить буду, – сразу заявил он и спохватился. Откуда он будет ей звонить? С Центрального почтамта? Можно и по мобильному, конечно, – он дает междугородний звонок.

– Прощание будем устраивать? – тоскливо произнесла она.

– Мы уже попрощались. Да и к тому же я уезжаю не навсегда. Потерпи, малышка, скоро увидимся!

Из дома вышли вместе. Марианна села на троллейбус и уехала, глядя на него через замызанное стекло. Сержант дождался, пока троллейбус завернет за угол, и поймал такси.

По дороге на Литейный он думал о Марианне и о том, что она, конечно, не поверила ему, и пришел к неожиданному для себя выводу, что если бы его жизнь сложилась иначе, то, возможно, он взял бы ее в жены. Ему всегда нравился именно такой тип женщин, вот только почему-то они всегда оказывались в чужих руках.

Глава 6

Давняя вражда

Беспальный приехал в Петербург ночным поездом и первым делом позвонил по телефону, который дал ему Коля. Трубку сняла какая-то девушка, видимо секретарь. Беспальный попросил Александра Алексеевича, девушка ответила, что он в офисе будет после десяти, и поинтересовалась, что передать. Беспальный, как его научили, сослался на общего московского приятеля Николая, которому Александр Алексеевич обещал оказать содействие в одном важном деле.

– Перезвоните в половине одиннадцатого, – посоветовала секретарша. – Если Александр Алексеевич сможет, он назначит вам встречу.

Беспальный вышел из телефонной будки и зашагал по Невскому. Скользкий Николай так и не сказал ему, с кем предстоит встреча. Но Александр Тимофеевич сразу догадался, что встречаться придется с крупным питерским паханом, из тех, кого ФСБ пасла не первый год. Теперь ясно, зачем Николай отправил его на эту встречу, – чтобы руками начальника колонии добыть воровской общак.

Заглянув в блокнот, он набрал еще один номер:

– Вас беспокоит 75—34.

– Слушаем вас, – прозвучал ровный мужской голос.

– Узнайте для меня, пожалуйста, об Александре Алексеевиче Степанове, проживающем в Питере.

– Перезвоните через две минуты.

– Хорошо.

Подполковник вышел из телефонной будки и направился к киоску.

– Что-нибудь есть интересное? – спросил он у продавца интеллигентного вида.

– А что вас больше всего интересует?

– Криминальное что-нибудь.

– Советую вам взять «Криминальную хронику».

– И что там?

– На днях несколько неизвестных пытались ограбить обменный пункт. Погибло пять человек.

– Ничего себе, – невольно подивился Беспальный. – Скоро в Питере станет так же жарко, как в Чикаго в середине двадцатых.

Купив газету, подполковник вернулся к телефонной будке и набрал нужный номер.

– Это опять я.

– Назовите свой номер, – прозвучал беспристрастный ответ.

– 75—34.

– Александр Алексеевич Степанов, криминальный авторитет по кличке Шрам. Был осужден за грабеж. В настоящее время занимается предпринимательством и пытается легализовать незаконно нажитые средства. В действительности является смотрящим Санкт-Петербурга.

– Понятно, – задумчиво протянул Беспальный.

– Вас интересует что-то еще?

– Этого мне вполне достаточно, – повесил Беспальный трубку.

В новом мироустройстве ровным счетом ничего не изменилось: как и прежде, они используют карательную машину для достижения своих политических целей. Беспальный даже остановился, когда его осенила удивительная догадка. А что, если и Александру Степанову по кличке Шрам тоже небезразлична судьба Игнатова?

Ведь Варяга повязали в Питере, а законного вора просто так среди бела дня не арестуешь – в таком деле нужны опытные информаторы, которые контролировали бы каждый его шаг

и терпеливо дожидались, когда смотрящий наконец оступится, чтобы немедленно сообщить заинтересованным лицам. А уж последним полагается сработать безо всякой осечки!

Выходит, что, кроме сильной поддержки, здесь просматривается серьезная подстава. Законные слишком осторожны, чтобы рисковать по глупости. А так как арестовали Варяга в Питере, то не исключено, что это произошло с помощью Шрама. А если дела обстоят именно таким образом, то этот самый Александр Алексеевич находится сейчас по уши в дерьме! Беспалый усмехнулся: если братки догадаются, что смотрящий России спалился из-за питерского пахана, то ему хана!

* * *

Беспалый договорился с Александром Алексеевичем Степановым о встрече на 9 утра следующего дня. По просьбе Шрама встреча состоялась в невзрачном ветхом домишке на Васильевском острове. У входной двери Беспалый с удивлением заметил вывеску «Леноблкниги». Но, давно привыкнув в жизни ничему не удивляться, начальник колонии строгого режима спокойно переступил порог конторы и нашел кабинет номер 9.

Беспалый, еще не встретившись со Шрамом, пока не мог придумать, чем бы тот мог быть ему полезен, но врожденная страсть к коварным интригам заставила его принять решение: Шрама надо взять на крючок. В любом случае это будет полезно и рано или поздно пригодится.

Беспалый был отличным физиономистом и психологом. Пятнадцати минут разговора ему хватило, чтобы всесторонне составить для себя психологический портрет Шрама: коварен, жаден, любит риск, но никогда не станет идти напролом. Однако собственным благополучием дорожит больше всего на свете.

И он решил не тянуть.

– Мы можем здесь говорить? Мне надо вам сказать нечто очень важное, – напуская на себя фальшивую тревогу, сказал Беспалый и сделал пальцем круговое движение, давая понять, что стены могут быть оборудованы микрофонами.

– Конечно, – легко согласился Степанов, – именно поэтому мы здесь с вами и встретились. Это безопасное место. Тут нет прослушки. Телефонов, как видите, тоже не имеется, и стены чистые.

Шрам изо всех сил старался не показать своего беспокойства. Он занервничал сразу, как только увидел Беспалого.

Николай заблаговременно предупредил его о госте и посоветовал вести себя с ним осторожно и по возможности помогать в розыске, добавив при этом, что тот является начальником колонии строгого режима, чем только зародил в душе Степанова тревогу.

– Я должен вас предупредить, что наш общий знакомый пока не в курсе того, что я сейчас вам скажу, – понизив голос, проговорил Беспалый. – Пусть это пока останется между нами. – И, не дожидаясь ответа Шрама, продолжил: – Игнатову, по-видимому, удалось бежать из колонии. И в настоящее время он жив. Трудно сказать, насколько он здоров, но то, что он жив, это точно!

Беспалый не ошибался. От спокойного самодовольства питерского смотрящего не осталось и следа. Он побледнел.

Прошло долгих несколько минут, прежде чем ему удалось вернуть самообладание. Улыбнулся даже.

– Насколько достоверны эти сведения?

– Есть люди, которые встретили его в тайге. Они сейчас допрошены. По их описаниям внешность этого побегушника полностью соответствует сбежавшему Варягу, – твердо произнес Беспалый.

– Почему же раньше была другая информация? – глухо выдавил Шрам.

– Обычная несогласованность.

– Неожиданное сообщение, прямо хочу сказать.

– Вы ведь, насколько я понимаю, с ним были хорошо знакомы?

Нажал на последние слова, стараясь придать словам некоторую степень задушевности. Прием несложный, но весьма эффективно действует во время вербовки.

Оказавшись в своей стихии, Беспалый даже воодушевился.

– В каком смысле? – спросил Шрам злобно.

Ага, начинаешь выходить из себя, стало быть, почувствовал подвох. Теперь ты попался, голубь!

– В том смысле... что вы должны знать повадки Варяга. Я вот за полгода их изучил. Он опасный человек, хитрый, изворотливый. А самое главное – упрямый и невероятно живучий. В нем воля к выживанию прямо-таки звериная, волчья. Если ему удалось выйти из колонии – а это сделать было очень непросто, – то не исключаю, что он непременно вернется сюда... В Питер!

Шрам молча поглядел в глаза Беспалому. Александр Тимофеевич прочитал в его взгляде то, что и рассчитывал: страх и лютую ненависть.

Подполковник Беспалый наклонился поближе к Шраму и вкрадчиво зашептал почти в самое ухо:

– Возможно, вам придется хорошо подготовиться к встрече с ним. Прошло уже почти полторы недели. Не исключаю того, что он может объявиться здесь со дня на день.

Беспалый и сейчас толком не знал, какую выгоду ему сулит сотрудничество со Шрамом, но одно он знал твердо: Шрам точно так же, как и он, Беспалый, люто ненавидит Варяга и любой ценой готов уничтожить его. В этом хотя бы они были союзниками.

– Но это так, к слову. А вообще я прибыл сюда по делам службы, – продолжал Беспалый как ни в чем не бывало.

– И в чем заключается ваша служба?

– Мне надо составить более подробное представление об обстоятельствах поимки Варяга... А Николай Иванович сказал мне, что от вас я могу узнать много полезной информации. Его же его взяли у вас... в Питере... перед тем как его доставили ко мне на зону. Вы с ним случайно не встречались накануне ареста? Насколько мне известно, его захватили на квартире одного из здешних авторитетных людей... Погодите, дайте вспомнить, – приложил он пальцы ко лбу, – кажется, его звали Михаил Пузырев, погнало – Пузырь. Так?

Шрам не отвел взгляда.

– А арестовали его действительно на квартире Пузырева... Это ни для кого не секрет. Но с Варягом я не виделся. У него тут были какие-то свои дела.

– А кроме Пузыря, никто не знал, что он тут делал, с кем встречался?

Шрам старался держаться равнодушно.

– Не знаю. Я не в курсе. Да и честно говоря, это меня мало интересует. У меня своих дел по горло.

– Но вы же не могли не знать о том, что его пытались убить в колонии.

Шрам заколебался, обдумывая ответ.

– Конечно. Газеты ведь писали...

– Нет, я имею в виду – из первых рук. Разве... наши общие знакомые вам ничего о нем не сообщали?

– Что-то я вас не пойму, о каких общих знакомых вы говорите? – холодно спросил Шрам.

Беспалый забеспокоился всерьез. Каков шельма! С ним следует вести себя поосторожнее.

– Хм... Возможно, я что-то не понимаю, но мне показалось, что у вас достаточно оснований, чтобы ненавидеть Варяга. Здесь наши интересы с вами соответствуют всецело. И если вы созреете для данного решения, то дайте мне, пожалуйста, знать.

При последних словах подполковник поднялся и, едва кивнув на прощание, направился к двери.

* * *

Известие, поведенное подполковником Беспалым, повергло Шрама в шок. Если это правда, что Варяг жив, то он обязательно нагрянет в Питер, стянет сюда верных людей и расставит свои капканы. Шрам знал, что когда Варяг объявит на него охоту, то наезды Придана покажутся ему детскими шалостями.

Вернувшись к себе в офис в «Прибалтийскую», Шрам первым делом позвонил Моне. Узнав, что новостей о Сержанте нет, невольно загрустил. Подумав, отдал команду: как только Сержант выйдет на связь, отложить заказ на Придана и посулить ему любой гонорар за устранение Варяга. Шрам надеялся на то, что давняя вражда Сержанта и Варяга окажет ему добрую услугу и что киллера не придется долго упрашивать.

Глава 7

Убивать людей несложно

Около трех часов дня из пятиэтажного кирпичного дома на Литейном проспекте вышел мужчина крепкого сложения, в темных очках, с усиками и в соломенной шляпе. В руке он держал черный пластиковый потрепанный кейс. Редкие прохожие не обращали на пешехода внимания. Но если бы внимательный наблюдатель присмотрелся к мужчине и к кейсу в его руке, то сразу бы отметил тяжесть ноши. Похоже, в кейсе лежали не бухгалтерские счета и даже не деньги.

Но наблюдать за ним сейчас было некому.

Никто из его многочисленных недругов, да и немногих друзей не догадывался, что супер-киллер Степан Юрьев по кличке Сержант находится в Петербурге. Скоро, кому надо, об этом узнают: покидая Лос-Анджелес, он сообщил Егерю, что едет в Россию. А где его найти в России, Егерь знает.

Так что если он кому понадобится – его найдут!

Сейчас, конечно, Сержанту требовалась полная конспирация. Никто не должен знать, что он приходит сюда на Литейный, берет из тайника в квартире кейс со снайперской винтовкой и идет на очередное дело.

Сержанта уже давно терзали мысли. Убивать людей несложно, особенно когда подобное занятие становится всего-то ремеслом, за которое платят приличные деньги. Задача профессионала заключается в том, чтобы исполнить его без брака.

Юрьев понимал, что ему приходится заниматься мерзким делом. Но ведь, черт побери, те, кого он убивал, ничуть не лучше его. Иногда свою профессию он сравнивал с работой собачника, который вынужден расстреливать беззащитных животных только лишь для того, чтобы они не захлестили весь город.

Когда-то он убивал по приказу командира, потом – за деньги, потом это вошло в привычку. Но, кажется, впервые за долгие годы своего киллерского ремесла Сержант трудился бесплатно – из принципа. Предательство Шрама возмутило его до глубины души. Ладно, если он – мразь, то пусть его мерзкое ремесло послужит уничтожению всякой другой мрази. Так почему-то получилось, что Шрам, погубив Варяга и его корешей, словно нанес ему, Сержанту, смертельное оскорбление. И Сержант не мог не снести этого оскорбления. Теперь, когда Варяг мертв, обида на него куда-то улетучилась, но где-то в глубине души он начинает осознавать, что Варяга ему не хватает.

Наверно, Сержант ощущал себя отомщенным. Но и радости от мысли, что Варяг сгинул, тоже не было. С его гибелью образовалась какая-то пустота. И тем острее ранило его предательство Шрама, который из своего властолюбия и жадности заманил смотрящего России в гибельную ловушку.

Сержант всегда был далек от внутренних разборок в российском криминальном мире, и ему по большому счету было наплевать на расстановку сил в воровской иерархии. А в истории с поимкой и гибелью Варяга его больше всего удручало то, что Шрам преступил, как говорится, корпоративные законы. Ведь что ни говори, а уголовный мир, или, как принято сейчас писать в газетах, мир организованной преступности, – такая же артель, как артель старателей или лесорубов, все члены которой должны свято соблюдать правила общежития и ремесла.

Иначе она просто развалится изнутри!

Приняв непростое решение, Сержант как-то внутренне успокоился. Его тайное пребывание в Петербурге словно обрело смысл: он твердо пообещал уничтожить всю эту кофду, окружающую Шрама, и его самого. А что потом?

Потом можно было возвращаться в Америку. За последнюю неделю Сержант ухлопал двоих людей Шрама – Сударика, его «кладовщика» из Колпина, и Шпилю, «контролера», снимавшего для Шрама данные питерских казино и ночных клубов. На обоих Сержант вышел через Хитрю – давнишнего своего приятеля, который когда-то помогал ему в подготовке убийства Колуна.

Хитря после знаменитой разборки на Васильевском три года назад потерял три пальца на правой руке и утратил квалификацию киллера, теперь он торговал газетами в подземном переходе перед Гостиным двором. На самом же деле Хитря, отошедший от крупных дел, держал под контролем здешних попрошайек и аккуратно сдавал их выручку шрамовой братве. Хитря знал все связи Шрама и держал в голове все городские происшествия за последние три года. Словом, он был бесценным кладом нужной информации. Хитря, целыми днями сидящий в самом центре питерской паутины слухов и сплетен, мог выведать едва ли не любые сведения о прошедших и готовящихся разборках, о конфликтах между группировками или ведущихся важных переговорах.

От него Сержант узнал и о последних неприятностях Шрама – об объявленной ему войне беспредельщиком Придановым, о налете на колпинский склад и о перестрелке у обменного пункта на проспекте Металлистов. Недолго думая, Сержант решил воспользоваться полученной информацией как прикрытием. Он не сомневался в том, что Шрам воспримет убийство Сударика и Шпили как новый наезд Придана.

Сегодня ему предстояла самая важная акция из всех им задуманных. Он собрался за город, чтобы понаблюдать за дачей Шрама. Подстергать его на городской квартире Сержант не считал возможным – слишком велик был риск: после всех последних разборок с Приданом, а тем более после убийства Сударика и Шпили, смотрящий усилил охрану в городе. За глухим же забором дачи он, понятное дело, будет чувствовать себя куда надежнее.

Сержант уже установил, что Шрам до семи-восьми вечера сидит в своем офисе в гостинице «Прибалтийская», а на выходные почти всегда сваливает куда-нибудь за город – причем, как сообщил всезнайка Хитря, необязательно к себе на дачу. Хитря добавил, что и туда вот уже добрых полгода он не особенно навещается, предпочитая отдыхать после праведных дел либо в Колпине, либо в Петергофе.

Может, на даче кто гостует. Вот они и прояснят ситуацию.

Сержант решил для начала найти дачу Шрама и обследовать прилегающую к ней местность, чтобы там устроить себе лежку. Он хотел замочить Шрама именно там, в его берлоге, чтобы в случае непредвиденного поворота событий ему под горячую руку не попала какая-нибудь случайная жертва. Воспоминание об убитом им мальчике до сих пор пудовыми гирями висело на его душе.

По дороге Сержант заехал на почтамт. Там в окошке корреспонденции до востребования он справлялся через них о письмах для Виктора Синцова. Писем он особенно ни от кого не ждал, но совершал эти регулярные ходки по привычке: педантичный Сержант не любил получать информацию с опозданием.

К его удивлению, ему пришел факс. Расписавшись в книге и отойдя от окошка, он бросил взгляд на шапку факса. Сообщение пришло из Канады от Роберта Шиэра.

Это был вызов.

Глава 8

Требуется киллер

Шрам заперся в офисе и никого не принимал. Секретарше приказал ни с кем не соединять – кроме Мони. На прошлой неделе он позвонил в Псков и вызвал бригаду бандитов, посулив им сто штук «зеленью» за устранении Приданова и его шайки. Но вот уже пять дней псковские стрелки находились в Питере, а все без толку.

Придана не накрыли.

Более того, Шрам, попытавшийся установить местоположение своего врага и дать координаты псковским, так и не смог вычислить его хазу. Придан как в воду канул.

Вчера, правда, Моня принес на хвосте хорошую весть: он все-таки дозвонился какому-то чуваку аж в Канаду, и тот пообещал связаться с Сержантом.

– Когда? – крикнул Шрам в мобильник.

– Не знаю, – откликнулась трубка далеким голосом Мони. – Обещал побыстрее.

– Сержант сейчас нужен мне как воздух! Эти драные псковские сидят в городе, а счетчик тикает, и бабки мои уходят в пустоту! Как только Сержант объявится, я псковских обратно отправлю!

Шрам не зря нервничал: по уговору с псковским смотрящим он обязался платить его «быкам» командировочные – каждому по штуке в день. Уже отдав за просто так двадцать штук баксов, Шрам занервничал – по-глупому с бабками расставаться он не любил. Он уже даже стал подозревать, что псковские каким-то образом снюхались с Приданом, предупредили его, а тот залег на дно – и ребята преспокойно делят Шрамовы бабки по-братски.

Беспокоиться Шраму было от чего.

Чего он меньше всего ожидал от Приданова, так это убийства Сударя и Шпили. Эти убийства никак не вписывались в повадки питерского «отморозка», потому что были начисто лишены всякого смысла. Если Придан хотел припугнуть Шрама – что он, собственно, и сделал, совершив наезд на колпинский склад, – то ему не было никакого резона убивать его ближайших людей. Во всяком случае – Сударика, который был свидетелем «наезда» в Колпине. Хотел бы убрать – замочил бы сразу.

Вот эта загадка и беспокоила Шрама, у которого в глубине души зародилось холодное сомнение: а Придан ли это гадит? Но, кроме Приданова, у Шрама в городе на сегодняшний день открытых врагов не существовало, и никто бы из местной братвы не решился пойти против него, рискуя навлечь на себя его гнев и месть.

Никто – кроме пришлых, чужих.

Но Шрам никому не перебежал дороги, никого не обидел, потому что был полновластным хозяином города после зимней облавы МВД на авторитетных воров, и уже никого не осталось, кто мог бы ему навредить. В Питере он давно со всеми конкурентами разобрался, разберется и с невесть откуда вылезшим Приданом. Но если это не Придан, а чужаки, то кто? И главное – за что?

А может, здесь что-то связано с Варягом? Но о его роли в аресте Варяга знал только Калистратов. И Варягова жена Светка. Но баба сидит под замком в надежном месте. Значит, остается генералишка. Кого этот мудака посвятил в свои питерские дела – неизвестно. Николая? Вряд ли. Не стал бы он кричать об этом направо и налево. Правда, учитывая, что МВД – это банка с тараканами, где идет постоянная борьба между враждующими лагерями, можно не удивляться, если кто-то воспользовался секретной информацией Калистратова в своих целях. И он, Шрам, вполне мог оказаться пешкой в большой игре – как когда-то такой пешкой стал Варяг.

Впрочем, это маловероятно.

Вряд ли московские генералы стали бы в ходе своих политических интриг валить питерскую пирамиду, которую они фактически – через Шрама – контролировали. Тем более что многие имели от этого контроля неплохой навар. Нет, тут чья-то другая рука. Уверенная, расчетливая, умелая.

Без Сержанта не обойтись. Шрам сейчас почему-то уверовал, что только Сержант разберется с его даже самым сильным и изворотливым противником. Как было уже не раз. И теперь, когда ему сообщили из Канады, что Сержант нашелся, Шрам воспрял духом, опять понадеявшись на скорейшее разрешение всех возникших проблем.

Единственный человек, которому Шрам доверял щекотливые вопросы, это был Моня, который обязан был ему не только высоким положением в выстроенной криминальной пирамиде Петербурга, но еще и жизнью.

* * *

Самое страшное для вора – это разборка, или «правилка», где присутствуют только свои и перед которой равны все. Поклялся однажды служить воровскому закону, то будь добр топай по нему без колебания, а уж если оступился, так знай, что ожидает тебя строгий воровской суд чести, который не знает снисхождения. Это не судья в черной мантии, которому можно скормить туфту, и уж тем более не присяжные заседатели, столь падкие на жалость. «Правилка» – это прежние твои подельники, соседи по шконке, воровская семья, знающие тебя лучше всякого родителя. Вранья воровская масть не прощает и уж тем более не выносит увивания – задали вопрос, так будь добр отвечать на него достойно, так как есть.

А уж если грешен, так наказание ожидает самое суровое.

Монин Гриша, угодивший на чалку за разбой, считался на зоне правильным пацаном. Держался своего круга, блатных, с мужиками был ровен, опущенных без надобности не обижал, так и дотянул бы до конца срока без особых приключений, если бы однажды к нему не пожаловала Марина, с которой на воле он сожительствовал последние полгода.

Кум в обмен на длительное свидание попросил ему поведать о том, кто же стоял на шухере в час ограбления, пообещав, что эта тайна останется между ними. Видно, в этот момент святой, покровительствующий вора, смежил веки, и Гриша выложил все без утайки.

Разве не знал он истины, что верить ментам нельзя, – еще через месяц Пузыря повязали, а через три они встретились на одной из пересылок: тот направлялся на чалку, а Монина вызвали на следствие.

Пузырь встретил бывшего подельника как родного и в разговоре удивился тому, что каким-то образом ментам удалось докопаться до деталей случившегося ограбления. Гриша Моня сочувственно покачивал головой, но каждый вечер долго не мог уснуть, ожидая воровской «правилки». Не однажды ночью Гриша просыпался в холодном поту, когда ему чудился рядом со шконкой зловещий шепот. Открывая глаза, ему мерещилась занесенная над головой заточка, и Моня в страхе поднимал руки, надеясь защититься от разящего удара.

Пузырь уже давно чалился где-то под Соликамском, а сам он, получив после дознания дополнительный срок, съехал на новое место прописки.

Все эти годы Моня ждал разборки, со страхом думал о том, как может предстать перед судом воровской чести, а уж он умеет наказывать сполна. На его памяти ссученным ворах перебывали хребты, оставляя их доживать остаток жизни в неподвижности. Случалось и такое, что провинившегося привязывали за ноги к двум согнутым березам, а потом исполнитель «правилки» перерубал веревки. Распрямившиеся деревья разрывали приговоренного, разбрасывая его останки на десятки метров. Приговоренного могли привязать к дереву подле муравейника, на радость трудолюбивым мурашам, а через неделю от него оставался только побелевший скелет.

Однажды Гриша Монин и сам присутствовал на подобной «правилке» – на его глазах приговоренному залили в горло ртуть. Отравившийся вор не протянул даже дня и умирал в страшных муках. Вина его заключалась в том, что он не вернулся за подельником, раненным во время перестрелки.

Однако срок удалось протянуть без «правилки». Где-то в глубине души он понимал, что его прокол лишь только отодвинул разбор на время, придет день, когда ему предстоит отвечать сполна.

Освободился Гриша Монин тихо, без выставленной «поляны». Просто получил расчет и в каптерке, скинув с себя одежду зэка, переоделся в гражданскую одежду. Шагнул за ворота, он подумал о том, что в его семье не подозревают о его освобождении и наверняка думают о том, что он просто переведен в другой лагерь.

Шагнув за колонию, Гриша уже в который раз перечитал справку об освобождении, полистал паспорт с выпиской и, глубоко вздохнув, потопал в сторону железнодорожной станции.

Моню грела мысль о том, что худшие опасения остались позади: не нужно думать о том, что его ожидает жестокая «правилка», после которой обычно приговоренного зэка ждет только смерть, и что в поезде, повстречав случайных попутчиков, он уснет глубоко, уже совершенно не заботясь о завтрашнем дне.

Еще через шесть часов он ехал в сторону Питера. Даже долгое ожидание поезда не казалось ему утомительным – нагретая солнцем лавочка куда приятнее твердого шконаря, на котором приходится кемарить в три смены. Кроме него, в купе было еще двое мужчин и молодая женщина. «Одна компания», – определил по разговору Моня и, сдержанно поздоровавшись, расположился на нижней полке, где сразу и задремал под мерный перестук колес. Уже смежив глаза, ему подумалось о том, что за последние несколько лет он впервые так сладко отдыхал.

Проснулся он от какого-то враждебного присутствия. В купе было темно, только через открытое окно просачивался свет мерцающих звезд. Но опасность была так близко, что в затылке заломило. И в следующую секунду кто-то сильно толкнул его в бок.

Повернувшись, он увидел своего соседа по купе. Блеснув золотыми зубами, он зло процедил:

– Вставай, паскуда, разговор есть!

В купе было еще два человека – молодые парни лет двадцати пяти смотрели на него настороженно, в глазах злой блеск.

– Не рыпайся, падла, – подался вперед золотозубый, выставив руку с ножом.

У самого горла Моня почувствовал холодное прикосновение стали.

– А теперь поднимайся.

Осторожно, как если бы опасался напоротья на заточенный наконечник, Гриша сел на полку.

– Не догадываешься, зачем мы здесь?

– Нет, – как можно тверже произнес Гриша.

Губы золотозубого печально скривились.

– Мы твоя совесть... Вспомни о своем недостойном поведении в доме родном.

Гриша Монин невольно сглотнул ком. Во все времена родным домом для вора была тюрьма. Сейчас в его купе были хозяева узилища, решившие устроить ему «правилку»!

Вот он, измеритель жизни. Только «правилка» способна показать сущность человека: болотину, поросшую гнилым мохом, или кусок кремня, о который тупится самая крепкая сталь.

«Вот и дождался», – невольно подумал Моня и, собирая по крохам разбившееся мужество, отвечал:

– В родном доме я вел себя достойно.

– А вот нет, – зубы вора зло блеснули. – Вяжи его!

В руках парней оказались веревки.

– Послушай... – попытался подняться Мона.

– Не дергаться, падла! – Заточенный конец финки полоснул кожу, и проступившая кровь, щекоча нервные окончания, медленно поползла за воротник. Хмыкнув, добавил: – Знаешь, какое у меня погоняло?

Парни, уверенно перетягивающие запястье Мони, сдержанно хохотнули. Действовали умело и очень слаженно. Узкая веревка врезалась в кожу, принося неудобства.

– Орнитолог. Хочешь знать почему? – Гриша упорно молчал. – Объясняю... Потому что таких, как ты, я насаживаю на кинжал, как навозных жуков. А потом оставляю сушиться. – Коротко рассмеявшись, добавил: – Получится потом из тебя гербарий! Так что в следующий раз предупреждать не стану. Пригвозжу!

Моне связали ноги, рот заткнули кляпом и обездвиженного скинули на пол.

– Так вот, сучара ты ментовская, прибыли мы к тебе по решению нашего братства. Хотим мы тебе сказать, что жил ты не по правде. Сдал ментам своего подельника Мишу Пузырева. Теперь он в Сибири у хозяина чалится.

Говорить мешал кляп, его хотелось выплюнуть прямо в золотозубого.

– Гы-ы-ы!

– Еще один твой грех в том, что со следаками дружбу завел, а через твой треп многие люди пострадали, – продолжал перечислять золотозубый. Правильная речь, практически без фени, совершенно не вязалась с его внешностью закоренелого ээка. – На зоне из себя авторитета гнул, хотя таковым не являлся... Еще один твой прокол. – Хмыкнув, добавил: – Или, может, ты думаешь иначе? Рябой, выдерни ему кляп, пусть скажет в свое оправдание, покается, – сказал золотозубый.

Один из парней, стоящих рядом, охотно выдернул у Гриши изо рта тряпку, пропахшую маслом.

– Я не сдавал Пузыря, – прохрипел Мона.

– Не сдавал, говоришь, – глаза золотозубого недобро прищурились. – А что же ты на это скажешь? – Сунув руку во внутренний карман куртки, он вытащил из него вчетверо сложенный листок бумаги. – Знаешь, что это такое?

Надвигалось нечто ужасное. Не листок бумаги, а каменная плита. Нависнув над поверженным, золотозубый терпеливо дожидался ответа.

– Понятия не имею.

– Так вот я тебе растолкую. Это твой приговор. Хочешь, прочитаю?

Развернув бумагу, исписанную мелким ровным почерком, золотозубый принялся читать:

– "...Наводку на фирмача дал Кисель, за что мы ему отстегнули десять процентов. Говорил, что три недели его пас, ждал, когда с товаром прибудет. Товара он набрал на сто штук баксов. Привозил из Германии, там у него связи хорошие наладились. Среди прочего барахла была дорогая аппаратура, телевизоры, компьютеры. Все это влет уходило, тем более что у Ваньки Смирнова свои люди на толкучке имелись..."»

В какой-то момент Моне показалось, что кровь в его жилах застыла. А то небольшое тепло, что еще оставалось, вдруг враз воспарило к потолку, да и рассеялось. Он узнавал собственные слова, записанные следаком. Вот только каким образом протокол допроса оказался в руках у золотозубого?

Подняв голову на помертвевшего Мону, золотозубый продолжал:

– А далее и вовсе кое-что интересное имеется... «Пузырь человек Варяга, он будет его двигать». А ты не ошибся в своих прогнозах, Миша Пузырев действительно в Питере был глазами Варяга. Здесь и подпись твоя имеется, может, ты хочешь взглянуть?

– Откуда? – прохрипел Мона.

– Откуда подпись? Хм... А ты, оказывается, шутник, вот с этого листочка и будет подпись. Может, ты сомневаешься?

– Откуда взяли?

– Ах, вот что тебя интересует, – губы золотозубого растянулись во всю ширь. – Из твоего дела... Какая же тут страница... Тридцать восьмая... Можно было еще взять несколько страниц, но я что-то поленился. Твое дело у меня дома лежит, в книжном шкафу, занятная вещица, читается поинтереснее всякого детектива. Вижу, что ты удивлен. Помилуй, Моня, ты же не наивный мальчик, а взрослый человек, какие тут могут быть изумления! Неужели ты не знаешь, что в наше время все покупается и все продается – главное, чтобы были хорошие деньги.

– Что вы со мной сделаете?

Поезд мерно постукивал по рельсам. В коридоре раздавался беззаботный девичий смех. А где-то у тамбура проводник навязчиво предлагал чай с лимоном. До него, лежащего на полу купе, не было дела ни вагонновожатому, ни тем более пассажирам. Уроют здесь, так никто и не хватится!

– Ты достоин смерти, Моня...

– Послушай...

– ... Что ты выбираешь: четвертование на бензопиле или хочешь, чтобы мы тебя обмазали глиной и запекли на костре?

– У меня есть шанс... выжить? – выдавил из себя Григорий Монин.

Впившись взглядом в губы золотозубого, Моня с нетерпением дождался ответа. Разомкнулись уста, и вор произнес:

– Есть вариант... Ты должен убить первого, кто встретится в коридоре. Неважно, кто это будет, мужчина или женщина, ребенок или старуха. Таков приговор.

– А дальше?

– Дальше... Должен будешь сдать ментам без сопротивления, затем взять всю вину на себя.

– У меня не будет мотива для убийства.

Губы золотозубого разлепились в хищном оскале:

– Он тебе и не нужен. Скажешь, что убивал потому, что проиграл этого человека в карты. Тебе ясно?

В коридоре опять послышался девичий смех. Моня пришел в ужас: «Неужели эта девушка будет первым человеком, встретившимся в коридоре? Интересно, красивая ли она?»

– Да.

– Как только тебя менты повяжут, они начнут колоть тебя на всю катушку. Вспомнят все свои нераскрытые дела и начнут их на тебя вешать, как дохлых собак.

Лоб Григория покрылся испариной. Теперь ему было жарко. Золотозубый знал, о чем говорил. Покопайся в сидельцах, так среди них немало найдется таких, которые сидят ни за грош, взяв на себя вину другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.